

Вторая жизнь
**МИРИЭЛЬ
УЭСТ**

Аманда
Скенандор

*Ей предстоит пройти все стадии
неизбежного - от отрицания до принятия,
приобрести новый опыт и излечиться. Ведь даже
в самых мрачных обстоятельствах есть свет и жизнь.*

Аманда Скенандор
Вторая жизнь Мириэль Уэст
Серия «Голоса времени»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68517113
Вторая жизнь Мириэль Уэст: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-147651-9

Аннотация

Захватывающая история о мужестве, стойкости и переосмыслении жизни, действие которой происходит в Лос-Анджелесе 20-х годов XX века, основана на реальной истории о единственной в Америке колонии для прокаженных.

Когда врач диагностирует проказу у богатой и эгоцентричной светской львицы, Мириэль Уэст, она считает, что это просто ошибка. Ведь такая болезнь встречается разве что на страницах книг или журналов! Но в одночасье ее жизнь меняется: ее забирают у мужа, маленьких дочерей и всех удобств, к которым она привыкла.

Сначала она надеется, что ее изгнание будет недолгим, но те, кого отправили в Карвилл – лепрозорий в Луизиане – скорее заключенные, чем пациенты. Теперь она должна найти новую цель в этих стенах, борясь с невыбранной судьбой.

Ей предстоит пройти все стадии неизбежного – от отрицания до принятия, приобрести новый опыт и измениться. Ведь даже в самых мрачных обстоятельствах есть свет и жизнь.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	65
Глава 9	75
Глава 9	83
Глава 11	91
Глава 12	98
Глава 13	109
Глава 14	118
Глава 15	124
Глава 16	134
Глава 17	144
Глава 18	150
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Аманда Скенандор

Вторая жизнь

Мириэль Уэст

Amanda Skenandore

THE SECOND LIFE OF MIRIELLE WEST

© Amanda Skenandore, 2021

© Манучарова М., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Для Кристин, потому что ты попросила, и потому что я сделала бы это в любом случае.

Глава 1

Лос-Анджелес, Калифорния 1926

Такая суета из-за небольшого ожога! Немного мази, джин-рики¹ – и завтра Мириэль будет в полном порядке. Но Чарли настоял на необходимости позвонить врачу. «Посмотри, какие волдыри», – сказал он. В детской плакал ребенок. У Мириэль стучало в висках. У нее не было сил на очередную ссору.

Доктор Кэрролл вправил Мириэль сломанную руку, когда ей было шесть лет. Трижды принимал у нее роды. Заботился о ней после... э-э... несчастного случая. Так что она хорошо умела считывать выражение его лица. Войдя в большую комнату, доктор нацепил приветливую улыбку, поздоровался и спросил о ребенке. Задал вопрос о ее настроении, устремив на нее проницательный взгляд.

Однако его мина, когда он осмотрел руку Мириэль, заставила женщину внутренне съежиться, словно ей опять шестнадцать и она затянута в корсет. Сначала он поджал губы, затем выпятил их, и его седеющие усы затопорщились еще больше. Морщинка между бровями стала глубже. Затем – медленно, продуманно – черты восстановились.

Мириэль отдернула руку. Она и раньше наблюдала на его

¹ Коктейль, изобретенный в начале XIX века. В составе: джин, содовая, сок лайма.

лице подобные трансформации. Но сейчас у нее всего лишь небольшой ожог. Она точно не умирала.

– Пятно на тыльной стороне твоей ладони, – проговорил врач, – как долго оно там?

Она взглянула на бледный ареал у основания большого пальца. Какое, черт возьми, это имеет отношение к ее обожженному пальцу?

– Эта ерунда? Не уверена, что вспомню.

– А когда ты обожгла палец, завивая волосы, ты не почувствовала никакой боли, верно?

Она покачала головой. На самом деле, ее просто насторожил запах. Как от мяса на сковороде. Следовало позволить парикмахеру сделать ей перманент на прошлой неделе, когда она постригла волосы. Тогда Мириэль не пришлось бы возиться с утюжком. Или с доктором.

– Это просто ожог. Пустяк. Я подумала, что ты мог бы прописать мне какую-нибудь мазь. Может быть, немного виски, пока ты это делаешь?

Все то же серьезное выражение лица.

Она потянулась и похлопала его по руке.

– О, да ладно тебе. Это была шутка. Ты же знаешь, я терпеть не могу эту дешевую лекарственную дрянь.

Он выдавил слабую улыбку, отряхивая рукав пиджака в том месте, где она прикоснулась к нему.

– Твой муж дома?

– Он убежал в студию. Радуйся, что не застал его. Чарли в

плохом настроении с тех пор, как снялся в последнем фильме. Тот обозреватель в «Таймс», конечно...

– Мириэль. – В немигающем взгляде доктора сквозила нескрываемая тревога. – Я бы хотел, чтобы ты отправилась в окружную больницу.

– В больницу? Для чего?

– Там есть дерматолог, доктор Салливан. Я бы хотел, чтобы он взглянул на твою руку. Возможно, ваш водитель сможет...

– Конечно. – Ее внутренности сжались еще сильнее.

– Я бы отвез тебя сам, но... – Пристальный взгляд Кэрролла стал чуть испуганным.

– Я позвоню водителю, как только закончу с прической.

– Нет, лучше прямо сейчас. Я сообщу туда заранее, чтобы тебя ждали. – Он нерешительно похлопал ее по руке и заставил себя еще раз улыбнуться. – Возможно, мне следует назвать им вымышленное имя.

Мириэль чуть не рассмеялась. В отделе новостей должен был случиться ужасно скучный день, чтобы кого-то заинтересовало, что она попала в больницу из-за глупого маленького ожога. Но все же, возможно, доктор Кэрролл прав. Последние несколько лет они с Чарли постоянно были пищей для прессы. Она допила то, что оставалось в ее бокале, и взглянула на плакаты в рамках, развешанные по всей комнате. То были все кинофильмы ее мужа, от самого первого до последнего, который с треском провалился.

– Скажи им, что приедет миссис Полин Марвин.

Обветшалая окружная больница на Мишн-стрит жужжала, как кафешка в воскресное утро. Медсестры и санитары в накрахмаленной белой униформе сновали от кровати к кровати в огромной палате за приемной.

– Мири... э-э... Полин Марвин, – представилась она медсестре за стойкой. – Мне нужен какой-то врач. Кажется, Салливан? Он ждет меня.

Женщина, не поднимая глаз, махнула рукой в сторону переполненной зоны ожидания.

– Присаживайтесь.

Мириэль вцепилась в лацканы своего отороченного мехом пальто, обходя кашляющую и стонущую толпу. Дети ерзали на коленях у своих матерей. Фермеры ковыряли грязь под ногтями. Свободные от работы официантки, продавцы и телефонистки склонились над скандальными журналами. *«Кинозвезда отрицает пластическую операцию!»* – гласил один из заголовков. *«Трое мужчин танцуют чарльстон двадцать два часа подряд!»* – второй.

Она встала у дальней стены и взглянула на часы. Десять тридцать пять. Она подождет до десяти сорока и ни минутой дольше. Она и так потратила слишком много времени на этот глупый поход.

Вскоре к стойке приема подошла другая медсестра. Она что-то прошептала первой, которая испуганно подняла глаза и указала на Мириэль.

– Миссис Марвин, – позвала вторая медсестра, на лице которой было то же тревожное выражение, что и у доктора Кэрролла после осмотра ее руки. – Следуйте за мной, пожалуйста.

Она провела Мириэль по длинному коридору в заднюю часть здания, поднялась на три лестничных пролета и вошла в маленькую комнату с односпальной кроватью.

– Подождите здесь.

Она наполнила таз жидкостью и поставила его на шаткий металлический столик за дверью. Резкий запах ударил Мириэль в нос с другого конца комнаты.

– Что это, черт возьми, такое?

– Дезинфицирующее средство.

Вскоре после этого появился доктор Салливан и осмотрел ее руку, мельком взглянув на ожог, прежде чем сосредоточиться на тыльной стороне большого пальца.

– Как давно у вас это поражение? – поинтересовался он.

Поражение?! Мириэль вздрогнула от того, насколько отвратительно звучало это слово. Это вообще не было поражением, просто светлое пятнышко на коже.

Последовали новые вопросы. Появилось оно постепенно или внезапно? Заметила ли она другие подобные очаги на своем теле? Он велел ей раздеться и обошел вокруг. Она привыкла к тому, что мужчины смотрят на нее, но не на раздетую и не таким образом – губы поджаты, а глаза прищурены, как будто она была досадной словесной головоломкой в

*Saturday Evening Post*². Поднимите правую руку. Поднимите левую руку. Сядьте. Вытяните ноги.

Она подчинялась, пока он не крикнул медсестре, чтобы та принесла скальпель и предметные стекла.

– Довольно! – Она потянулась за чулками и сорочкой. – Интересно, что вы собираетесь делать?

– Не одевайтесь! У вас есть и другие очаги. Один на спине, два на медиальной стороне бедра, один на вашей... э-э... *derrière*³. Мне нужны образцы для исследования под микроскопом.

Она вытянула шею, чтобы рассмотреть поврежденные места.

– Вы уверены, что это не просто плохое кровообращение?

– Стойте спокойно, – проговорил он вместо ответа. Врач провел скальпелем по небольшому светлому участку неправильной формы на коже ее бедра.

Мириэль ничего не почувствовала. Ни боли, ни дискомфорта. Даже ощущения щекотки. Если бы она не наблюдала, то вообще не заметила бы, что по ее телу водили лезвием. Салливан размазал взятые образцы по предметному стеклу, затем перешел к следующему месту.

– Это рак?

– Я бы предпочел не строить догадок. Но вам придется остаться здесь, пока мы не поставим окончательный диагноз.

² Американский журнал, выходящий шесть раз в год. Основан в 1821 году.

³ Зад, ягодицы (*франц.*)

– В больнице?

– Да, здесь, в изоляторе.

– Это невозможно. У меня дети. Десятимесячный ребенок, у которого режутся зубки.

Он передал стекла медсестре, затем закатал рукава рубашки и вымыл ладони и предплечья в тазу с дезинфицирующим средством, стоящим у двери.

– Для них будет лучше, если вы останетесь здесь.

Затем он закрыл дверь, заперев Мириэль внутри.

Утро сменилось днем, а день – вечером. От жажды во рту Мириэль было липко. Виски снова запульсировали. Дома она бы, по крайней мере, лежала на более мягкой кровати. Занавески заслоняли бы свет. А звук фонографа заглушал бы нежелательный шум. Она закрыла глаза, и гул, доносившийся из нижних палат, превратился в суету кухарки на кухне, голос ее дочери, возвращающейся из школы, лепет малышки в детской.

Мириэль встала с бугристой больничной койки и дернула дверную ручку. Затем постучала и позвала медсестру. Как, должно быть, волнуется Чарли! Пожалуй, доктор Кэрролл позвонил, чтобы успокоить его. Если повезет, Мириэль вернется домой как раз в тот момент, когда повар закончит готовить ужин. Она найдет Чарли в гостиной с бокалом в руке, отдыхающего после очередного долгого дня переговоров с мистером Шульбергом, чтобы тот снял его в другой картине,

а девочки уже будут спать в своих постелях. Конечно, Чарли будет милым и приготовит ей выпить. Светлый лед, густая темная жидкость.

Но небо за маленьким невымытым больничным окном потемнело, а доктор все не возвращался. Крики чаек затихли. Пальмы и эвкалипты из зеленых превратились в синевато-фиолетовые, а затем в черные. Далекий указатель hollywoodland превратился в тень на фоне исчезающих холмов. Она попыталась открыть окно, чтобы избавиться от спертого воздуха в комнате, но створка была заколочена гвоздями.

Санитар принес ей завернутый в газетную бумагу сэндвич и бумажный стаканчик с водой, поставив то и другое на грязный пол прямо на входе в комнату, словно не осмеливался войти внутрь. Она крикнула ему вслед, но он ничего не знал ни о ее анализах, ни о том, когда появится доктор.

Несколько часов спустя Мириэль завернулась в пальто на узкой кровати и попыталась уснуть. Мысли о раке и оспе неистовствовали в ее голове. Что если она проснется утром с фурункулами, покрывающими ее кожу? Или выяснится, что опухоль пожирает ее изнутри? Она чувствовала себя прекрасно. Конечно, она устала. И, определенно, нуждается в стаканчике на ночь. Но она не больна. Мириэль повернула серебряный браслет вокруг запястья. Забавно, что теперь, когда смерть, возможно, близка, она обнаружила, что хочет жить.

Глава 2

Проснувшись на рассвете, Мириэль попыталась привести в порядок волосы. Никто не потрудился повесить в палате зеркало, как будто свежее лицо и аккуратная прическа были чем-то неважным. К счастью, на случай таких чрезвычайных ситуаций, у нее в сумочке лежала пудреница. Вода в раковине имела привкус ржавчины, но она наполнила бумажный стаканчик и сделала несколько глотков. Ее руки дрожали от желания выпить по-настоящему. С нижних этажей доносился шум – стук шагов, скрип инвалидных колясок, грохот каталок, а в комнатах вокруг нее было тихо. Она присела на край тонкого, как блин, матраса, в пальто, шляпе и перчатках – наготове. Каким бы ни был ее диагноз, она собиралась отправиться домой, как только его сообщат.

Когда ее дверь наконец открылась, на пороге появился ее муж в сопровождении медсестры, которая осталась снаружи.

– Чарли, слава Богу! Ты не поверишь, какая у меня была ночь. – Мириэль встала и натянула перчатки. – Я ни на секунду не сомкнула глаз. А эти медсестры, тупые как устрицы и такие же заурядные.

Он небрежно чмокнул ее в щеку.

– Успокойся, дорогая. Я уверен, что доктор все объяснит.

– Так ты ничего не знаешь?

– Я не смог вытянуть из парня, который звонил, больше

нескольких фраз. Только то, что ты здесь в ожидании какого-то теста или чего-то еще, и утром первым делом я должен приехать сюда.

Он бросил газету, которую держал под мышкой, на кровать, и они сели рядом. Матрас прогнулся под их весом. Под ухом Чарли засохло пятно крема для бритья. Она вытерла его.

– Хелен не спала?

Он покачал головой.

– Выла, как банши⁴, до полуночи. Заснула только, когда няня наконец дала ей пососать тряпочку, пропитанную бренди.

– А Эви?

– Отправилась в школу, когда я уходил. – Чарли окинул взглядом маленькую комнату, скривил губу и поморщился. – Какое отвратительное место! Почему Док отправил тебя сюда? *California Lutheran* куда лучше. – Он вытащил носовой платок и вытер уголки рта. Чарли делал это всякий раз, когда терял терпение. – И ближе к студии.

– Уверена, что он не заботился о твоём удобстве. И не обращай на меня внимания. Прошлой ночью мне всего лишь пришлось спать в *этом месте*.

– У меня встреча с мистером Шульбергом в десять ча-

⁴ В ирландском фольклоре разновидность фей, предвещающих смерть. Издают пронзительные вопли, в которых будто бы «сливаются крики диких гусей, рыдания ребенка и волчий вой».

сов. – Он вытащил карманные часы и, взглянув на время, отполировал стеклянный циферблат о пальто. – Ровно в десять.

Каркас кровати заскрипел. Пациент в палате внизу кричал, требуя свое судно. Медсестра, которая проводила Чарли в палату, плеснула свежее дезинфицирующее средство в миску у двери.

– Сегодня вечером мы приглашены на званый ужин к Глисонам, не забудь, – напомнил Чарли.

– Разве ты не можешь отказаться? Мне кажется, я не буду готова к этому. Не после подобного испытания.

– Мы уже отказались в прошлый раз, помнишь? Кроме того, у него есть сценарий, на который я хочу взглянуть.

Мириэль вздохнула. Миссис Глисон была первоклассной занудой. Мысль о том, чтобы провести вечер в ее заплесневелой гостиной с искусственным паштетом и разбавленным джином, вновь разожгла вчерашнюю головную боль.

– Когда он предложит, выбери короткую сигару, хорошо? Я не хочу сидеть там всю ночь, пытаюсь придумать, что сказать, пока вы, мужчины, дымите.

Чарли снова вытащил часы.

– Скажите, сестра? – позвал он.

Никакого ответа.

– Это все из-за ожога? – спросил он жену.

– И этого. – Она показала ему участок бледной кожи на тыльной стороне ладони.

Чарли снял перчатки. Он провел большим пальцем по этому месту, спускаясь вниз, вдоль тонкого шрама, скрытого под ее серебряным браслетом. Затем поднес ее руку поближе и осмотрел ожог.

– Ты же... э-э... сделала это не нарочно, не так ли?

Мириэль отдернула руку.

– Конечно, нет.

Оба замолчали. Чарли взял газету, пробежал глазами первую страницу, затем открыл спортивный раздел. Мириэль было все равно, какая лошадь выиграла в «Эксельсиоре»⁵ или как первокурсники Калифорнийского университета выступили на последних соревнованиях по легкой атлетике. Вместо этого ее взгляд скользнул к окну. Но безоблачное голубое небо напомнило ей о лете. О пикниках на пляже, вечеринках на лужайке и детях, плещущихся в бассейне. Плескались до изнеможения. Она снова оглядела темную комнату и скрестила руки на груди, чтобы унять дрожь.

– Здесь, в больнице, есть прокаженный, – неожиданно произнес Чарли спустя некоторое время.

– Прокаженный? Это просто смешно. Такие люди существуют только в кино.

Он ткнул в страницу и широко раскрыл ее, чтобы показать Мириэль. «Женщина, страдающая проказой, поступила в окружную больницу», – гласил заголовок.

– Пишут, что она здесь, пока они не смогут организовать

⁵ Скачки чистокровных лошадей в США.

транспортировку в какой-то дом для прокаженных в Луизиане.

– Боже милостивый, – простонала Мириэль. – Известно ее имя?

– Миссис Мартин, я полагаю. Мы знаем каких-нибудь Мартинов?

– Нет, не думаю... – Она выхватила газету у Чарли и просмотрела статью. Не Мартин. Марвин. Некая миссис Полин Марвин. Мириэль похолодела. Она уронила газету. Страницы разлетелись в разные стороны, приземлившись ей на колени и рассыпавшись по полу. – Чарли, это я.

Глава 3

Они попрощались в больнице. Для Чарли было слишком рискованно оказаться замеченным с ней на вокзале. Медсестра провела ее вниз по пустой лестнице, через черный ход, и когда Мириэль потянулась к перилам, бросила:

– Ничего не трогайте!

Снаружи ранний утренний воздух опустился холодным и насыщенным туманом. Под тонким шелком платья все тело Мириэль покрылось гусиной кожей. Но, по крайней мере, она вышла из карантинной камеры. Чарли ждал в переулке рядом в своем блестящем родстере, сиденье которого было завалено сундуками и шляпными коробками, словно они улетали в какой-то восхитительный отпуск. Это делало реальность еще более горькой.

Он наспех поцеловал ее в щеку, затем отпрянул, оказавшись вне досягаемости. Это была та дистанция, которую ее бабушка назвала бы целомудренной. Но Мириэль не какая-нибудь краснеющая дебютантка, а он – не застенчивый мальчишка. Они никогда не были такими – краснеющими и застенчивыми. И когда за десять лет их брака они оказались так болезненно далеки друг от друга? Ей хотелось обвинить болезнь – болезнь, которой у нее не было, что бы ни говорили врачи, – но тут она вспомнила, как несколько месяцев назад сидела рядом с ним на передней скамье церкви на панихиде.

Их колени соприкоснулись, едва ощутимо, но она отпрянула, как от незнакомца. Возможно, это было началом.

Она уловила запах дыма, витающий в тяжелом воздухе, и увидела в конце переулка санитаря с сигаретой, наблюдающего за ними. Чарли тоже заметил его и надвинул шляпу пониже, чтобы скрыть лицо. Больница и ее вспомогательные здания теснились вокруг них, пряча их в тени начинающегося рассвета. Но скоро взойдет солнце, и любой, кто выглянет в окно, обнаружит их.

Чарли посмотрел на часы и прочистил горло. Они уже обсудили детали ее отъезда – какое оправдание он придумает для семьи и друзей, куда она может тайно посылать ему письма, какие из ее шляп, платьев и туфель ей понадобятся для путешествия. Что еще оставалось сказать?

– А девочки? – спросила она наконец. Несмотря на предостережение доктора, в глубине души она жалела, что муж не взял дочерей с собой. Она бы не стала прикасаться к ним, только посылала бы воздушные поцелуи и попрощалась. Последний взгляд, чтобы запечатлеть их лица в своей памяти.

– Они с няней, – проговорил он, одергивая манжету пиджака и снова украдкой поглядывая на часы. – Эви скучает по тебе. Хелен тоже, я уверен.

Каждая частичка ее тела откликнулась болью, когда Мириэль услышала эти имена. С тех пор как произошел несчастный случай, она много месяцев не кормила Хелен грудью, но теперь даже ее соски покалывало от боли. Воз-

можно, к лучшему, что он не взял их с собой.

– Конечно, не помешало бы выпить.

Чарли нахмурился, но достал из внутреннего кармана своего костюма фляжку и, быстро оглядевшись, передал ее Мириэль. На карнизах над ними гнездились голуби. В ближайших мусорных баках шуршали крысы. Санитар продолжал курить свою сигарету. Они были практически одни.

Она отвинтила крышку и сделала большой глоток. Это была хорошая выпивка, контрабандой привезенная из Канады, и огонь, который она зажгла в пустом желудке Мириэль, стал желанным спасением. Еще глоток, и достаточно скоро ее боль притупится.

Она вернула открытую фляжку Чарли. Он поднес ее было к губам, но передумал и не стал пить, просто закрыл колпачок и сунул фляжку обратно в карман, неуловимо поморщившись.

– Ничего себе! Я не больна. Эти врачи просто клоуны!

– Я знаю, – ответил он, вытирая перчатки о брюки.

Вот вам и отличный актер!

Неподалеку заурчал оживший мотор, и мгновение спустя появилась машина скорой помощи.

Мириэль внутренне съежилась. Она сделала шаг к мужу. К чести Чарли, тот не отшатнулся. Внезапно ей захотелось сказать ему миллион вещей. *«Я люблю тебя. Мне жаль. Я знаю, что это была моя вина»*. Но слова остались у нее на языке, испорченные привкусом выпивки. Наконец она заго-

ворила:

– Помоги санитарам с моим багажом, хорошо? Я бы не хотела, чтобы они что-нибудь сломали.

Ее усадили в заднюю часть машины, как только была загружена последняя сумка. Она прижала руку в перчатке к окну и одними губами произнесла «до свидания». Чарли тоже одними губами что-то пробормотал в ответ, но она не смогла разобрать.

Слезы навернулись ей на глаза, она отвернулась и не оглядывалась, пока машина скорой помощи везла ее над рекой к Центральному вокзалу. Вывеска hollywoodland и далекие холмы отражали разгорающееся сияние восходящего солнца. Они миновали Маленький Токио и зияющую площадку, где должно было начаться строительство новой ратуши. Чарли гордился тем, что это будет самое высокое здание во всей Калифорнии, однако в то время ей было все равно. Теперь мысль о том, что в ее отсутствие город изменится, заставляла алкоголь бурлить у нее в животе. Или, возможно, это был многослойный запах пота, рвоты и дезинфицирующего средства, который прилип к стенкам кабины. Как бы то ни было, ей не о чем беспокоиться. Немного удачи, и она вернется до того, как здесь начнут закладывать фундамент.

Послышалось сопение поезда, пронзительный гудок паровоза, и в поле зрения появился Центральный вокзал. Машина скорой помощи проехала мимо депо и выехала на рельсы, сотрясая Мириэль, точно солонку. Они остановились рядом

с открытым товарным вагоном. Санитар вышел и стал выкидывать ее багаж на землю, в небрежную кучу.

– Эй! – запротестовала Мириэль, самостоятельно выбираясь из кабины, когда стало ясно, что никто не предложит ей помощь. – Осторожнее! – Она направилась к санитару, стараясь, чтобы грязь не попала на ее туфли из телячьей кожи. – Мне понадобится взять кое-что с собой в мое купе. Это и... вон то. – Она указала на кожаный и шелковый саквояжи, все еще стоявшие в машине.

Мужчина хмыкнул и бросил сумки поверх остальных. Он вытер руки тряпкой, затем величественным жестом указал на открытый товарный вагон.

– Ваше купе ждет вас, мадам.

Мириэль обернулась и заглянула в то, что она приняла за багажный вагон. Свет проникал только в часть помещения, оставляя остальное в тени. Несколько пустых ящичков и деревянная бочка – вот и все, что она смогла разглядеть.

– Должно быть, здесь какая-то ошибка, – пробормотала она, поворачиваясь к санитару. Но тот уже забирался обратно в машину скорой помощи. Она помахала рукой, чтобы привлечь его внимание. – Прошу прощения!..

В ответ поднялось облако пыли, и машина скрылась из виду. Какая наглость! Она стряхнула пыль со своего платья. Очевидно, этот бездельник не в состоянии оценить крепдешинный шелк.

– Поторопитесь мэм, и позаботьтесь о своем багаже, – раз-

дался голос у нее за спиной.

Мириэль развернулась к поезду. Полная пожилая женщина в белой униформе медсестры подошла к краю товарного вагона и, прищурившись, посмотрела на нее сквозь толстые стекла очков.

– Мы отправляемся через пять минут.

Мириэль снова посмотрела мимо женщины в вагон. Там не было ни мягких скамеек, ни полированных карточных столов, ни отдельных спальных мест. Там вообще не было мест, чтобы сесть.

– Я боюсь, что произошла ошибка. Я должна...

– О боже, вы не прокаженная из окружной больницы?!

– Ну да, я из окружной больницы, но я не... мой диагноз еще не подтвердился. Я всего лишь...

Медсестра облегченно улыбнулась.

– Никакой ошибки. Лучше поднимите свои вещи на борт.

– Вы же не хотите, чтобы всю дорогу до Луизианы я ехала, как оборванка.

Медсестра склонила голову набок, как будто путешествие через всю страну в грязном товарном вагоне было совершенно естественным процессом.

– Это нелепо! – возмутилась Мириэль. – Кто здесь главный?

– Ну, я полагаю, что в данном случае железнодорожная полиция. Мне привести их?

Мириэль пристально посмотрела на женщину. Взошед-

шее солнце залило светом железнодорожную станцию. С соседней платформы, едва видимой между вагонами, доносились голоса. Рабочие что-то загружали и разгружали. Чем дальше она стоит здесь, тем больше шансов, что кто-нибудь ее узнает.

Начав со шляпных коробок и дорожных сумок, Мириэль погрузила свой багаж в товарный вагон, поставив его прямо у двери. Она рассчитывала пробыть в Луизиане всего несколько дней – в конце концов, сколько времени может потребоваться, чтобы уточнить ее диагноз? – поэтому велела Чарли собрать только самое необходимое. Дюжина или около того дневных платьев и туфли в тон. Несколько хлопчатобумажных теннисных платьев и одно или два вечерних платья. Одно из ее твидовых пальто и шерстяной свитер на случай, если климат Луизианы окажется неблагоприятным. Рыжая шубка из беличьего меха просто для надежности. Кроме того, подтяжки для бюста и лифчики, пояса и нижние юбки, чулки и сорочки. Двадцать или около того пар чулок и атласное кино. Шляпы, сумки, палантины, шарфы. И потом, конечно, предметы с ее туалетного столика: холодный крем, отбеливающий крем, крем под пудру, крем для бровей, тальк, туалетная вода, духи, жидкость для завивки волос, румяна, губная помада и пудра для лица.

На самом деле у нее были достаточно скромные запросы. Но, перетаскивая к вагону один из трех чемоданов, она подумала, что, возможно, смогла бы обойтись без зонтика, ша-

почки для верховой езды и десяти комплектов шелковой пижамы. Раздался гудок поезда, поторапливая Мириэль. Она попыталась поднять чемодан, чтобы положить его в вагон, но ей удалось оторвать его от земли всего на несколько дюймов, прежде чем ручка выскользнула у нее из рук.

– Позвольте мне помочь вам, сеньора.

– Спасибо, я... – Она подняла глаза и увидела мужчину, предложившего помощь. Пожилой, с темно-коричневой кожей и седеющими черными волосами. Темные глаза без бровей смотрели с одутловатого, покрытого глубокими морщинами лица. Когда он протянул руку и взялся за ручку ее сундука, она разглядела жуткие шишки, покрывающие его предплечье.

Мириэль отпрянула назад и подавила крик ладонью. Это был карантинный вагон. Мужчина был... прокаженным. Сколько еще их там внутри, прячущихся в тени?

Мужчина спрыгнул вниз и схватил оставшиеся чемоданы, затащив их наверх, прежде чем Мириэль смогла прийти в себя настолько, чтобы запротестовать. Это было так, как если бы она переживала сцену из Бен-Гура. Она читала эту книгу еще девочкой, и только в прошлом месяце Чарли потащил ее в кинотеатр, посмотреть фильм мистера Нибло⁶. Вагон поезда напоминал ужасную темницу, где были заперты и чахли в течение долгих лет мать и сестра Бен-Гура. Их волосы посе-

⁶ Американский актёр и режиссёр. В 1927 году стал одним из 36 членов-основателей Академии кинематографических искусств и наук.

дели. Их ногти оторвались от плоти. Их кожа была покрыта чешуей, а губы и веки – изъедены болезнью. Неужели именно это ждет ее в Луизиане?!

Она попятилась. Ее каблук зацепился за рельсы, и она упала.

Мексиканец подошел к ней и протянул руку. Мириэль покачала головой, но он все равно схватил ее за предплечье и поднял.

– Здесь некуда бежать, сеньора, – прошептал он ей.

Бежать? О чем он говорил? Она проследила за его нервным взглядом, окинувшим переполненный двор. Вокруг толпилось по меньшей мере полдюжины железнодорожных полицейских.

– Но я не...

Снова раздался гудок их поезда. Мужчина забрался обратно в вагон. Он коснулся рукава ее пальто, когда помогал ей подняться. Теперь она была покрыта микробами. Весь вагон поезда, должно быть, кишит ими. Может быть, ей все-таки *стоит* сбежать.

Еще один взгляд по сторонам, и стало казаться, что полицейские приближаются. Если бы она устроила сцену, кто-нибудь наверняка узнал бы ее. В конечном итоге их с Чарли имена снова появятся во всех газетах и городских сплетнях. Неважно, что у нее не было этой болезни. Эти тупоголовые журналисты никогда не позволяют правде встать на пути хорошей сенсации.

Колеса поезда заскрипели, и он тронулся с места. Оглянувшись на Лос-Анджелес, Мириэль поспешила к вагону, ухватилась за железный поручень и забралась внутрь.

Глава 4

Едва Мириэль поднялась на борт, как железнодорожный рабочий, бегущий рядом с поездом, захлопнул дверь товарного вагона, погрузив ее в темноту. Она ощупывала шершавую стену, пока ее нога не наткнулась на что-то мягкое. Раздался женский вскрик:

– Ой!

Мириэль отпрянула.

– Извините меня.

Поезд накренился, она потеряла равновесие, споткнулась и чуть не упала.

– Вам действительно следует сесть, пока вы не поранились, мэм.

Мириэль узнала голос медсестры. И где-то поблизости услышала скрежещущий шум, размеренный и гортанный, похожий на шум прибоя после шторма. Она попятилась, пока не наткнулась на острый твердый край чемодана – хорошо бы ее чемодана – и села на него.

Сквозь щели в облицовке пробивался слабый свет. Через минуту или две ее глаза привыкли к полумраку. Чемодан под ней оказался ее собственным, а остальная часть ее багажа располагалась рядом. Скрежещущий звук исходил от мужчины, лежащего на койке у дальней стены. Каждый его вдох казался борьбой. Медсестра примостилась рядом с ним на низ-

ком трехногом табурете – единственном подходящем предмете мебели во всем товарном вагоне. Мексиканец расположился на полу в дальнем углу, а женщина, на которую Мириэль наткнулась, устроилась поверх своего потрепанного саквояжа. Она выглядела старше Мириэль, хотя и ненамного, коренастая, с одутловатым лицом и платком на голове. Ее руки были покрыты пятнами. Не бледными и безобидными, как у большого пальца Мириэль, а чешуйчатыми и выпуклыми, словно это комки красной глины высохли на ее коже и покрылись коркой.

Хотя ни у кого не отсутствовали конечности и ногти не отрывались от плоти, как в Бен-Гуре, Мириэль не могла не содрогнуться. Она достала из сумочки носовой платок и вытерла рукав и носок туфли, прежде чем бросить его на землю. Встретив взгляд мексиканца, она опустила глаза, и сосредоточилась на лабиринте деревянных половиц.

Поезд мчался, и Мириэль чувствовала, что у нее внутри все разрывается, словно только часть ее забралась в товарный вагон, а оставшаяся прочно обосновалась в Лос-Анджелесе. Несколько недель, и она снова будет дома, напомнила она себе. Девочки вряд ли будут скучать. Она сложила руки. Те все еще немного дрожали из-за желания выпить, но худшее было позади. Вернувшись домой, возможно, она будет поменьше налегать на спиртное.

Поезд остановился ближе к вечеру, и дверь товарного вагона открылась. Мириэль прищурилась и прикрыла глаза, за-

стигнутая внезапным натиском света. У нее болел зад, а шея затекла оттого, что она сидела, отвернувшись от остальных. Ей захотелось пописать, и ее желудок скрутило от голода.

– У вас есть пятнадцать минут, – раздался снаружи грубый голос. – Выходите и займитесь своими делами.

Мексиканец спрыгнул вниз и потянулся. Женщина и медсестра спустились следом, и Мириэль последовала за ними. Ее ноги проваливались в землю и в туфли попал песок.

Несколько отдельно стоящих вагонов были разбросаны по двору. За ними пустыня: жесткая полынь, высокие сагуаро⁷ и далекие горы. Она направилась к станции, скатная крыша которой виднелась над поездом. ЮМА, оповещала табличка. Даже отсюда, от хвоста поезда, она слышала суету на платформе – торопливый топот ног и перетаскивание багажа, веселые приветствия и сдавленные прощания.

Не успела она сделать и нескольких тяжелых шагов за пределы товарного вагона, как медсестра остановила ее.

– Не уходите сейчас слишком далеко.

– Я просто добегу в вагон-ресторан. Я вернусь в мгновение ока.

– Боюсь, что проход в эту зону вам запрещен. Ваш ужин прямо здесь. – Медсестра протянула тарелку с фасолью и ломтик хлеба.

Мириэль, конечно, не предполагала увидеть икру, но это

⁷ Монотипный род кактусов. Растение размером с дерево, произрастающее в Мексике, Калифорнии и Аризоне.

было хуже даже самых скромных ожиданий.

– Не говорите ерунды. У меня даже вилки нет.

– Вот для этого и нужен хлеб.

Она отмахнулась от тарелки.

– Но кроме ужина, мне нужно в дамскую комнату.

Однако, по словам медсестры, им – прокаженным – также не разрешалось заходить в общественные туалеты. Она указала на стоявший недалеко отцепленный товарный вагон и предложила Мириэль облегчиться за ним.

Мириэль уставилась на нее, разинув рот. Конечно же, это шутка, и она не предлагает ей пописать вот так нецивилизованно, на открытом месте. В конце концов, они не животные. Но лицо медсестры оставалось непроницаемым.

Тоскливый взгляд на станцию – и Мириэль потопала к отцепленному вагону. Когда мочевого пузырь вот-вот лопнет, нет особого выбора, кроме как задрать платье и присесть на корточки за ржавыми колесами. По дороге домой она настоит на отдельном спальном месте. Это произойдет, как только врачи в *Marine Hospital*⁸ выяснят, что у нее нет проказы, и весь этот ужасный бардак закончится.

Когда до отправления оставалось несколько минут, она подошла к последнему ряду рельсов. В ее туфли засыпалось еще больше песка. Репейник, вцепившийся в чулок, кололся сквозь шелк. Но после всех этих дней, проведенных сначала взаперти в грязной больничной палате, а затем в душном то-

⁸ Морской госпиталь США № 66 – национальный лепрозорий.

варном вагоне, было приятно ощущать солнечное тепло, согревающее кожу. Небо над головой было голубым, как коктейльное кольцо с топазом, которое Чарли подарил ей на их третью годовщину. За кактусами и полынью вдалеке появилась полоса пыли, слившаяся с тускло-коричневым горизонтом. Это был мужчина? Он убегал?!

Позади нее заревел мул, и мимо прогрохотала повозка. Мириэль проводила ее взглядом, пока и она не превратилась в облако пыли, а затем поплелась обратно к поезду.

Она вернулась и обнаружила медсестру, съезжившуюся перед представителем железной дороги.

– Я думала, он стоит здесь. Я... я не могу следить за всеми сразу. В конце концов, я их сиделка, а не тюремщик.

Светло-карие глаза мужчины метнулись к Мириэль. Его лицо исказилось от отвращения. Он сплюнул и повернулся к медсестре.

– Просто верните остальных ваших чертовых прокаженных обратно внутрь и не позволяйте больше никому сбежать.

Медсестра жестом пригласила Мириэль в вагон. Внутри находились только хрипящий мужчина и женщина в платке. Неужели мексиканец сбежал? Удрученное выражение лица медсестры подтверждало догадку Мириэль. Она проследила ее взгляд, обращенный к пустыне, простирающейся за путями.

Пыль, которую она видела чуть раньше, осела. Удалось ли этому человеку уйти от погони? Мириэль поймала себя на

том, что надеется, что это произошло. Вскоре в поднявшемся облаке пыли вновь обрел очертания фургон. Когда он приблизился, Мириэль увидела, что мексиканец плетется позади, изо всех сил стараясь не отставать от мулов. Между шасси фургона и наручниками на его запястьях была натянута веревка. Его окровавленное лицо опухло, штанина разорвалась. Она развевалась вокруг его икры при каждом шаге, открывая длинную рану на голени.

Когда повозка приблизилась, медсестра отогнала Мириэль от двери. Двигатель поезда был запущен, и из трубы валит пар. Остановившись рядом с товарным вагоном, железнодорожники отвязали беглеца. Они несколько раз пытались открыть его наручники, но в замок попала кровь, и ключ не работал.

– У меня нет времени возиться с этим, – раздраженно произнес помощник железнодорожного шерифа, когда он с помощью остальных поднимал мужчину в вагон. – Им придется разрезать их, когда ты доберешься до места назначения. – И они закрыли дверь, когда мексиканец, извиваясь как червяк, все еще протискивался внутрь, чуть не сломав ему ногу.

Он дополз до своего угла и с трудом принял сидячее положение. Наручники натерли ему кожу до крови. Грязь, кровь и слюна запеклись на его губах. Мириэль ждала, что медсестра займется его ранами – повреждением на ноге, порезами и синяками на лице, шипами кактуса, впившимися в его плоть. Но мужчина на койке, чье дыхание с момента их

отъезда из Калифорнии стало еще более хриплым, захватил все ее внимание.

Мексиканец кашлянул и причмокнул губами. Вероятно, он вдохнул больше пыли, чем воздуха, когда тащился за фургоном. Мириэль избегала смотреть на него, но не могла игнорировать продолжающийся приступ кашля. Она, пошатываясь, подошла к бочке с питьевой водой, стоящей в углу. Темная, зеркальная поверхность дрожала от движения поезда. Мириэль не собиралась пить из бочки, опасаясь заразиться болезнью других. Губы этого человека только еще больше загрязнили бы ее. Но они все еще были в двух днях пути от Луизианы, и ни один из них не мог так долго обходиться без воды.

Мириэль глубоко вздохнула, наполнила ковш и выпила. Затем она снова наполнила его и отнесла мужчине, пролив половину содержимого на платье, когда поезд качнулся и накренился.

Он обхватил ковш своими перепачканными руками и осушил его.

– Спасибо.

Мириэль встретила с ним взглядом и кивнула. Может, он и был прокаженным, но он тоже был человеком и не заслуживал такого отношения со стороны железнодорожников. Она принесла ему еще воды, затем нашла выброшенный носовой платок и вытерла кровь и грязь с его лица. Ее сердце колотилось, пока она это делала. От страха на лбу выступи-

ла испарина. Трудно было сказать, возраст или болезнь начертили глубокие складки на его коже. В любом случае, она старалась не прикасаться к нему без носового платка.

Затем она осторожно выдернула шипы из его ног. Мириэль, конечно, не была медсестрой, но она кое-что знала о кактусах из прогулок, которые совершала со своим сыном на калифорнийских холмах.

Мужчина поморщился, но не издал ни звука. Как долго он был прокаженным? Сколько раз пытался сбежать? Его седеющие волосы подсказывали, что этому человеку далеко за пятьдесят. Его суровые глаза подсказывали, что этот человек намного старше. И что этот человек знаком со всей подлостью этого мира.

По крайней мере, у них было нечто общее.

Глава 5

Через два с половиной дня поезд наконец прибыл в Новый Орлеан. Мириэль и ее попутчики ждали в товарном вагоне, слушая шум голосов выгружающихся пассажиров. Их вагон отцепили от остальных и затолкали на заброшенный участок железнодорожной станции. Дверь открылась как раз в тот момент, когда старая машина скорой помощи военного образца с визгом остановилась перед ними. Сбоку на ней виднелась надпись, сделанная выцветшей белой краской *u.s. marine hospital*. Двое мужчин в простых шерстяных рабочих костюмах спрыгнули с переднего сиденья, и окинули взглядом Мириэль и ее спутников, прежде чем заговорить с медсестрой. Они переложили больного мужчину с койки на носилки и отнесли в машину скорой помощи. Мириэль слишком устала от мучительной поездки на поезде, и беспрекословно последовала за ними.

Западный горизонт светился оранжевым, как усыпанные фруктами цитрусовые деревья у нее дома. Остальная часть неба утратила цвет. Машина скорой помощи только-только тронулась с места, когда треск огня перекрыл шум мотора. Воздух наполнился дымом. Резкий поворот, и в окне появился их товарный вагон. Пламя ползло вверх по его бокам, сжигая все их следы и следы их микробов.

Ноги Мириэль затекли, а веки отяжелели, когда многочасовая поездка с вокзала закончилась. Она, спотыкаясь, вышла из машины скорой помощи и огляделась. Воздух Луизианы был влажным и холоднее, чем она ожидала. Темнота этого пустынного места нервировала ее. Она тосковала по уличным фонарям, сверкающим шатрам и освещенным витринам магазинов Лос-Анджелеса. Там можно было видеть, слышать и чувствовать пульсирующую повсюду жизнь, которая здесь шелестела и квакала в тени, приглушенная и угрожающая.

Фары автомобиля скорой помощи выхватили возвышающийся на плантации дом, похожий на те, о которых Мириэль читала в романах и видела в кинофильмах о довоенном Юге. Он светился, как призрак, в окружающей темноте; выступающая веранда и колонны с карнизами отбрасывали длинные тени на белый фасад.

– Это больница? – спросила она водителя, пока он выгружал ее багаж.

– Не-а, мэм, – ответил тот, сильно растягивая слова. – Там находятся административное здание и резиденция сестер.

Прежде чем она успела спросить, кого он имел в виду под сестрами, из дома на плантации вышли две женщины с фонарями в руках. Их платья напомнили те, которые носила

ее бабушка, чрезмерно накрахмаленные и удручающе длинные. Бусы звенели у них на поясах. На головах красовался какой-то странный аксессуар, который едва ли можно было назвать шляпой. Он был похож на гигантскую чайку с распростертыми крыльями.

– Один лежащий и трое на ногах, – сообщил водитель женщинам.

– Очень хорошо, – ответила одна из них. – Отнесите его прямо в лазарет. Мы позаботимся об остальных. – Женщина повернулась, одарив Мириэль и ее спутников натянутой улыбкой. Поднимая фонарь, оглядела каждого по очереди и нахмурилась, когда ее взгляд остановился на Мириэль. Наконец она произнесла: – Сюда.

Женщина направилась через широкую боковую лужайку к дальней живой изгороди, за которой виднелось огромное скопление зданий, едва различимых в приглушенном лунном свете.

– Простите! Когда носильщик придет за нашими сумками? – спросила Мириэль.

Женщина обернулась. Взгляд упал на груды багажа у ног Мириэль, и ее губы сжались.

– У нас нет носильщика, моя дорогая. Это больница, а не отель «Ритц».

– Это точно, – прошептала Мириэль себе под нос.

– Берите все, что сможете унести. За остальным я утром пришлю санитаря.

– Утром? Что, если пойдет дождь или дикие животные заберутся внутрь?

– Каких животных вы имеете в виду?

Мириэль взглянула на мохнатые очертания деревьев в темноте.

– Не знаю. Волки, медведи, змеи.

Женщина невесело рассмеялась.

– У нас здесь нет ни медведей, ни волков, и, даст Бог, дождя не будет. А теперь берите то, что вам нужно, и пойдете.

А змеи? От одной этой мысли у Мириэль по коже побежали мурашки. Она посмотрела на шляпные коробки, чемоданы и сундуки, пытаясь решить, что взять. Она не имела понятия, что и куда упаковал Чарли. Ее пижамы, скорее всего, были в одном из сундуков. Расчески в одном из чемоданов. Зубная щетка и зубная паста в...

Женщина издала громкое хм-м.

– У нас не вся ночь впереди.

Мириэль схватила две сумки, надеясь, что в одной из них будут ее туалетные принадлежности, и последовала по грязной тропинке за женщинами в нелепых шляпах. Они миновали невысокую живую изгородь и поднялись по пандусу, который вел к крытому дощатому настилу с бортами по сторонам. С навеса свисали лампы с дешевыми промышленными абажурами. Дорожка разветвлялась и поворачивала в стольких направлениях, что Мириэль почувствовала себя так, словно попала в лабиринт. Здания различных форм

и размеров вплотную примыкали к дорожке, их побеленные стены подсветились, когда луна выскользнула из-за облачного покрова.

Группа разделилась на одном из перекрестков. Мужчина-мексиканец последовал по длинному коридору за более спокойной женщиной, его запястья все еще были скованы наручниками, и он продолжал прихрамывать. Мириэль направилась за остальными по извилистой тропинке и, наконец, добралась до женского лазарета. Внутри, вдоль обеих стен длинного узкого здания, стояли больничные койки. На некоторых спали пациенты. Мириэль старалась на них не смотреть. Остальные кровати были пусты и застелены строго одинаково, словно в женском монастыре. «Как же иначе», – подумала она, поскольку, оказавшись внутри, смогла разглядеть, что нитка бус, свисающая с талии ее провожатой, ни что иное, как четки.

– Мы начнем прием утром, – сказала женщина, показывая Мириэль на кровать.

– А мы не можем начать прямо сейчас? Я ужасно спешу домой.

– Врачи уже давно ушли отдыхать. Мы будим их только в чрезвычайных ситуациях.

– Это и есть чрезвычайная ситуация! Мне поставили неверный диагноз. Мне здесь не место.

Один из пациентов, спавших поблизости, пошевелился. Сестра нахмурилась.

– Боюсь, не вам решать, что является чрезвычайной ситуацией, а что нет. Постарайтесь немного отдохнуть, а утром мы вернемся к этому разговору.

Прежде чем Мириэль смогла продолжить спор, женщина развернулась и ушла. Мириэль смотрела ей вслед, не отрывая глаз от задней части ее крылатой шляпы. Она порылась в сумках, которые принесла с собой. В первой оказался ассортимент перчаток, шарфов и украшений. Во второй Мириэль нашла полдюжины пар обуви и завернутую в ткань и спрятанную на дне фотографию в серебряной рамке, которая раньше стояла на ее туалетном столике. Ей было приятно, что Чарли проявил заботу и упаковал для нее фотографию, хотя она не собиралась надолго уезжать из дома.

Милые лица ее семьи, глядящие на Мириэль через стекло, заставили ее усталое тело снова заболеть. Она села, тонкий матрас прогнулся под ней. Она сбросила туфли, натянула на себя колючее хлопчатобумажное одеяло и заснула, прижав фотографию к груди.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Мириэль обнаружила на табурете у своей кровати ту же женщину, которая сопровождала ее в лазарет прошлой ночью. Поверх платья она накинула накрахмаленный белый халат. Гигантская шляпа на ее голове была жесткой, как штукатурка. Мириэль села и

пригладила растрепанные волосы. Она, должно быть, похожа на бродягу, такая у нее мятая и пыльная одежда. Должно быть, и пахнет соответствующе.

– Доктор уже пришел? – спросила она.

– Он ассистирует в операционной, но я жду его здесь в ближайшее время.

– Мэм, послушайте, как я уже говорила вам прошлой ночью...

– Вы можете называть меня сестра Верена.

– Сестра, в Калифорнии произошло недоразумение. Тамошний доктор не мог отличить голову от задницы.

Сестра Верена нахмурилась.

– Какой бы точной ни была ваша вульгарная формулировка, я все равно должна заполнить анкету приема.

– Есть ли медсестра, с которой я могу поговорить? Эти медицинские штучки могут быть за пределами вашей...

– Я медсестра. Старшая медсестра. – Она многозначительно посмотрела на Мириэль и приготовила ручку. – Теперь мы можем начать?

Мириэль взмахнула рукой в знак согласия и отвернулась к окну. Снаружи облачное небо окрашивало корявые деревья и свалившийся мох в рассеянный серый свет.

– Сколько вам лет?

– Тридцать два.

– Где вы родились?

– В Лос-Анджелесе.

– Вы когда-нибудь жили за границей?

– Я уже рассказала обо всем доктору в Калифорнии. В моей истории нет ничего необычного.

– Это решать нам. Так вы когда-нибудь жили за границей? Мириэль повернулась к ней лицом.

– Нет, никогда. И пока вы этим занимаетесь, запишите, что у меня никогда не было члена семьи, который был бы прокаженным или знал прокаженного.

– Вы замужем?

– Да.

– Дети?

– Да.

– Сколько?

– Трое... э-э... двое. – Мириэль посмотрела вниз на свои сложенные руки. – Двое.

Сестра Верена нацарапала ее ответ. Она задала еще несколько банальных вопросов, а затем спросила:

– Под каким именем вы хотели бы находиться здесь, в Карвилле?

– Под каким именем?! Мое имя Мири...

– Большинство пациентов предпочитают изменить имя. Мы очень тщательно храним наши записи, но с таким количеством обитателей, персонала и посетителей... что ж, слухи могут случайно просочиться наружу. Для семей, живущих в обществе, такое клеймо может иметь разрушительную силу.

– Я не пациент и не обитатель! – Мириэль не осознава-

ла, что кричит, пока остальные в комнате не вытянули шеи, чтобы взглянуть на нее. Она понизила голос и выпалила: – У меня нет этой болезни.

– Очень хорошо, – произнесла сестра Верена, разглаживая листы бумаги и откладывая ручку. – Пока мы будем называть вас пациентом триста шестьдесят семь.

Глава 6

Санитар принес Мириэль завтрак на эмалированной керамической тарелке – яйца, овсянку и консервированные персики. Определенно, это было положительным изменением, по сравнению с холодной едой, подаваемой на бумажных тарелках в поезде. До прихода доктора она успела еще и победать. Врач надел белый халат поверх своей черной офицерской формы и с широкой улыбкой подошел к ее постели. Сестра Верена следовала на шаг позади. Когда он сел на табурет напротив кровати Мириэль, она разглядела усталость в его покрасневших глазах. Прядь его редеющих каштановых волос стояла дыбом, как перья на голове перепела.

– Добро пожаловать в Шестьдесят Шестой Госпиталь Морской пехоты США, мэ, – сказал он, протягивая руку. – Или Карвилл, если угодно. Я доктор Яхимовски, но большинство зовут меня Док Джек.

Пожимая ему руку, Мириэль поняла, что он был первым из врачей и медсестер, с которыми она столкнулась за последние несколько дней, кто соизволил прикоснуться к ней. Его теплая ладонь и неизменная улыбка ослабили напряжение, охватившее ее грудную клетку.

– Рада познакомиться с вами, доктор. Вы здешний специалист?

Он усмехнулся.

– Один из них. Доктор Росс, главный врач госпиталя, провел десятилетия в борьбе с этой болезнью в Индии и является одним из ведущих лепрологов в мире. Он занимается в основном административными вопросами, но время от времени вы будете с ним видеться. У нас есть и другие специалисты – офтальмолог, стоматолог, хирург-ортопед, которые регулярно приезжают из города. Мы также...

– Понятно, но вы можете отличить настоящую проказу от других болезней? Я имею в виду, вы же видите ее постоянно. Вы тот человек, который может доказать, что эти тупоголовые врачи в Калифорнии поставили мне неправильный диагноз?

Тень пробежала по его улыбке.

– Да, я именно тот человек. Давайте взглянем. Сестра, не могли бы вы принести нам ширму?

Сестра Верена установила складную ширму вокруг кровати, и по указанию Дока Джека Мириэль разделась. Он осматривал ее кожу, пока сестра Верена делала пометки в карте.

– Плоское покрасневшее пятно сбоку на левом плече, диаметром примерно пять сантиметров... плоское гипопигментированное пятно на правом боку, три сантиметра... плоское покрасневшее пятно внизу правого бедра, медиальный аспект, полтора сантиметра...

Каждый раз, когда он сообщал о новой находке, пульс Мириэль учащался, как у перегретого двигателя. Всего семь очагов, тогда как врач в Лос-Анджелесе обнаружил только

пять.

– А это не могут быть родимые пятна или плохое кровообращение?

– Хм, – сказал Док Джек совсем не обнадеживающим тоном. – Мы узнаем достаточно скоро.

Он достал маленькую палочку, с одного конца обмотанную ватой, и попросил Мириэль закрыть глаза.

– Дайте мне знать, когда почувствуете, где хлопок касается вашей кожи.

– Да, мое предплечье, – ответила она почти сразу, как только закрыла глаза. – Правое предплечье.

– Хорошо.

Затем последовало щекочущее прикосновение на ее левой икре, правой ладони, пояснице. Она снова почувствовала себя школьницей, стоящей перед учителями и наизусть перечисляющей столицы сорока пяти штатов. Правое плечо... правая щека... Количество секунд между каждым прикосновением удлинялось... Потом ничего.

– Мы закончили?

– Почти, – ответил доктор.

Она сосредоточенно скривила лицо и стала ждать. Ручка сестры Верены царапала вверх бумаги.

– Левое колено, – почти закричала она, когда снова ощутила прикосновение.

– Вы уверены? – уточнил Док Джек.

– Да... э-э... кажется. Вы можете сделать это еще раз?

– У нас есть все необходимые данные. Можете открыть глаза.

Мириэль обхватила себя руками, впервые почувствовав неловкость от своей наготы.

– Могу я одеться?

– Пока нет. Я собираюсь взять несколько образцов тканей из найденных мною очагов, точно так же, как это делали в Калифорнии. Это совсем не больно.

Сестра Верена подкатила маленький стальной столик со скальпелем и несколькими лабораторными предметными стеклами на нем. Мириэль наблюдала, как доктор сделал небольшой разрез в обесцвеченном месте под ее большим пальцем, а затем провел лезвием по ране. Это действительно было не больно. То же самое произошло и в следующий, и в следующий раз, хотя у Мириэль скрутило живот, и ей пришлось отвернуться. Только когда он надрезал мочку ее уха, она почувствовала укол боли, и то мимолетный.

– Все готово, – сообщил Док Джек, снова нацепив свою дружелюбную улыбку. – Теперь можете одеваться. Сестра Верена, не отнесите эти стекла в лабораторию?

– Да, доктор. – Она откатила столик в сторону, стекла загремели по стали.

– Как скоро мы узнаем результаты? – уточнила Мириэль у доктора.

– Через несколько дней.

– Дней?! У меня семья, ребенок, который нуждается во

мне. – Ее руки машинально потянулись к груди, хотя у нее давно пропало молоко. – Я должна вернуться домой!

Его усталые глаза изучали ее, и она убедила себя, что не жалость, а простая доброта заставила доктора смягчиться.

– Полагаю, я смогу пойти и сам посмотреть стекла. Дайте мне час, возможно, два.

Он начал перемещать ширму, но Мириэль окликнула его.

– Док Джек!

Он обернулся.

– Человек в наручниках, он в порядке?

– Потребовался почти час, чтобы распилить эти чертовы штуки, но да, он в порядке.

– А другой мужчина? – Мириэль колебалась. Действительно ли она хочет это знать? – Человек, которого принесли на носилках.

Его улыбка исчезла.

– Сегодня утром мы сделали ему экстренную трахеотомию, но у него уже было кровотечение в легких, и он не справился...

Мириэль кивнула, однако, когда доктор ушел, внезапно почувствовала тошноту. Ее пальцы дрожали, когда она застегнула пояс и лифчик и снова влезла в платье.

* * *

Док Джек вернулся чуть больше чем через час, как и обе-

шал. Сестра Верена плелась за ним, ее жесткие юбки шуршали при ходьбе. Пересекая комнату и направляясь к Мириэль, врач улыбнулся другому пациенту. Весело поздоровался с одной из сестер. Хороший знак, решила Мириэль. Но он больше не улыбался, когда пододвинул табурет к ее кровати и сел.

– Я очень внимательно изучил ваши образцы, и, боюсь, врачи в Калифорнии были правы. Вы инфицированы бациллой *микобактерия лепры*.

Лазарет начал раскачиваться, как будто на них обрушилось землетрясение. Мириэль вытянула руки по обе стороны от себя и вцепилась в матрас.

– Бациллой?

– Мне жаль. Так мы называем микроорганизм, микроб, вызывающий проказу.

– Но это... это невозможно. Я чувствую себя абсолютно нормально.

– К счастью для вас, мы поймали болезнь на очень ранней стадии. При правильном лечении она не будет прогрессировать...

Мириэль попыталась расшифровать его слова и собрать их так, чтобы они имели смысл.

– Мне пришлось пить воду из той же бочки, что и другим пассажирам в поезде. Возможно также, что я случайно коснулась одного из них. Есть вероятность, что это их микробы на предметных стеклах, а не мои. Если бы мне удалось при-

нять душ, почистить зубы, тогда вы могли бы сделать еще один тест, и он точно будет отрицательным.

– Болезнь развивается не так. Требуются годы – для размножения... э-э... для появления симптомов. Многие здешние пациенты заразились ею в детстве и не ощущали признаков...

– Я ухожу! – Мириэль встала и потянулась за своими сумками. – Домой! Это неправильно, я не могу, вы ошибаетесь...

Док Джек тоже встал и положил руку ей на плечо, прерывая ее тираду.

– Я боюсь, что вы не сможете. Я имею в виду – уйти. Карвилл – лучшее место в мире для лечения проказы. У нас лучший персонал, и мы постоянно испытываем новые лекарственные средства.

– Что, панацеи не существует?

Он сжал ее ладонь, затем опустил руку в карман.

– Ну, нет. Не совсем так. У нас есть лекарства и терапия, которые помогают в определенных случаях и могут...

Санитар ворвался в комнату и задыхаясь закричал:

– Док Джек, вы нужны в мужском лазарете!

– Мне нужно идти, но скоро мы снова увидимся. Медсестра Верена может ответить на все ваши вопросы.

Мириэль попятилась назад, пока подколенная ямка не уперлась в скрипучую раму кровати. Нет лекарства?! Она опустилась на матрас и огляделась в поисках тастика на случай, если ее непереваренный обед поднимется еще выше в

горло.

– У вас есть еще какие-нибудь вопросы? – уточнила сестра.

Вопросы? У Мириэль их было миллион, но она не могла выразить их словами. Она покачала головой.

– И по поводу имени...

– Что?

– Мне нужно имя, чтобы вписать его в вашу карту, дорогая.

Мириэль закрыла глаза, надеясь, что это остановит вращение комнаты, остановит тошноту, прожигающую путь вверх по пищеводу, остановит фарс, в который внезапно превратилась ее жизнь.

Глава 7

– Это миссис Полин. – Сестра Верена вытащила карту Мириэль из-под мышки и заглянула внутрь. – Полин Марвин.

Имя, произнесенное вслух сестрой Вереной, прозвучало нелепо. Возможно, не слишком поздно для Мириэль сменить его? Впрочем, вся ситуация была нелепой. Другое имя – что-то более общее и менее личное, вряд ли изменило бы ее кардинально.

Сестра подтолкнула Мириэль к небольшой группе, ожидавшей снаружи лазарета.

– Ваши попутчики. Полагаю, вы их узнаете.

– Я Гектор, – представился мексиканец, на мгновение встретившись с ней глазами, прежде чем снова опустить взгляд в землю. Он переоделся в чистую одежду, а его запястья были перебинтованы.

– Ольга, – сказала женщина с одутловатым лицом.

Конечно, это были не настоящие имена. Конечно, им тоже пришлось взять псевдонимы. Как их звали раньше? Укол сожаления шевельнулся в душе Мириэль из-за того, что она не поговорила с ними в поезде, когда они еще не были так оторваны от мира.

Как и Мириэль, они оба держали в руках больничную подушку и комплект простыней.

– А это Фрэнк Гарретт. – Сестра Верена указала на незнакомого мужчину. – Мистер Гарретт – пациент госпиталя уже в течение нескольких лет и очень активен в колонии. Он проведет вам экскурсию по учреждению, прежде чем показать назначенные вам дома. – Она изобразила подобие улыбки, не разжимая губ, затем повернулась обратно к лазарету.

– Зовите меня Фрэнк, – произнес мужчина, протягивая руку.

Мириэль ахнула и попятилась. Это вообще вряд ли можно было назвать рукой. Кожа – грубая, покрытая шрамами, короткий бугорок, выступающий там, где должен был находиться безымянный палец. Остальные пальцы скрючены. Его левая рука, безжизненно свисающая сбоку, выглядела точно такой же исковерканной.

Она еще сильнее вцепилась в постельные принадлежности, которые несла. Все истории оказались правдой. У прокаженных просто отваливались пальцы, конечности. Что, если они найдут части тел, разбросанные и разлагающиеся по всей территории? Будут ли ее конечности сморщиваться и отваливаться таким же образом?

– Занятная картина, правда? – сказал он, поднимая обе свои ужасные руки на уровень глаз. – Когтистые, как мы их здесь называем. Из-за этого сложно держать ручку, но не вызывайте меня на соревнование по поеданию раков. – Он картинно изогнул свои когти.

Гектор усмехнулся. Мириэль попятилась снова.

– *Mais*⁹, – продолжил Фрэнк, его тягучий голос продолжал звучать непринужденно. – Рад познакомиться с вами, миссис Марвин. – Он начал спускаться по экранированному проходу и махнул когтем Мириэль и остальным, чтобы они следовали за ним. – Слушайте, мне действительно нравится ваше имя. Наводит на мысль о каком-то сериале, который я смотрел много лет назад.

Он остановился и указал на Т-образное здание, в котором со всех сторон по всей длине тянулись окна, затененные брезентовым навесом. Как и остальные здания и дорожки, оно стояло на кирпичных опорах, поднимающих его на несколько футов над болотистой землей.

– Там столовая и кухня. Еду подают в семь, одиннадцать и в шестнадцать тридцать. Вы услышите сигнал – звонок. Если нет, вы увидите очередь. Мы выстраиваемся в очередь в Карвилле практически за всем, от супа до мыла. – Он повернулся и улыбнулся Мириэль и Ольге. – Не стесняйтесь брать поднос и вставать в очередь, дамы. Мы действительно стараемся вести себя здесь по-джентльменски. Во всяком случае, большинство из нас.

Они продолжили путь, Фрэнк указал на теннисный корт и прачечную, лабораторию и операционную. Не только его рукигодились для интермедии¹⁰, он еще забавно говорил.

⁹ Здесь – тем не менее (*франц.*).

¹⁰ Небольшая пьеса или сцена, обычно комического характера, разыгрываемая между действиями основной пьесы.

Быстрый, но ленивый звук, как будто он не утруждал себя произнесением гласных или вытягиванием языка вперед, чтобы издать звук «т». Он отличался от южного протяжного произношения, с которым говорили другие. Возможно, креол. Или каджун¹¹. Есть ли между ними разница? Мириэль не знала, и ей было все равно. Она только хотела, чтобы ей не приходилось так напряженно прислушиваться, чтобы разобрать, что он говорит.

Другие обитатели двигались мимо них по дорожкам: в инвалидных колясках, на велосипедах, пешком. Они бесстыдно тарасились на Мириэль и ее спутников. Фрэнк, казалось, знал всех и затанул экскурсию ненужной церемонией представления. Мириэль не слушала имена и не протягивала в ответ руку. Ей обещали комнату где-то в длинном четырехугольнике домов в стиле бунгало, окружающих столовую, и она просто хотела попасть туда. Хотелось закрыть дверь и отгородиться от этого места.

– Полин Марвин? – переспросил один из проходящих мимо незнакомцев, когда Фрэнк знакомил их. Шишки разного размера облепили его лицо так, что она едва могла видеть его губы и глаза. – Как в том старом фильме?

Фрэнк хлопнул себя по ноге.

– И я о нем подумал! Ты помнишь название?

¹¹ Своеобразная по культуре и происхождению субэтническая группа французов, представленная преимущественно в южной части штата Луизиана, именуемой Акадиана.

– Нет, – ответил мужчина. – Там снимались Перл Саттер и Чарли Уэс...

– Ради всего святого! Мое имя не имеет никакого отношения к этим старым фильмам, – резко прервала его Мириэль.

– Блин! – воскликнул мужчина, неодобрительно взглянув на Мириэль, прежде чем сесть на свой велосипед.

– Простите, *chère*¹², – сказал Фрэнк, хотя в его деревенской манере говорить это звучало как *sha*. – Не хотел, чтобы ваши перышки встали дыбом.

– Мои *перышки* не встали дыбом! Я просто хочу попасть в свою комнату.

– Я понял. Мы почти на месте. – Он снова зашагал, уводя их все глубже в лабиринты крытых дощатых тротуаров. – Как там назывался этот фильм... «Заблуждения Полин»? Нет, не так. «Опасности Полин»?

«*Опасные приключения Полин*». Мириэль каждую неделю выбиралась из дома тем летом, когда ей исполнилось девятнадцать, чтобы посмотреть очередной эпизод. Ее бабушка находила всю киноиндустрию невыносимо заурядной, но Мириэль полюбила кино с тех пор, как в первый раз попала в никелоден¹³ на пирсе. В «*Опасных приключениях Полин*» блистал Перл Саттер. Его красивый коллега тоже был неплох, хотя в то время Мириэль не знала его имени.

¹² Дорогая (*франц.*).

¹³ Никелоден был первым типом крытого выставочного пространства, предназначенного для показа проецируемых кинофильмов в Соединенных Штатах.

Фильмы снимались в Нью-Джерси. Только следующей весной Чарли сменил студию и приехал в Голливуд. Они познакомились на вечеринке – на которую, как и на фильмы, ей пришлось улизнуть тайком, – но она всегда шутила, что их первая встреча состоялась в темном никелодеоне на Адамс-стрит во время показа «*Опасных приключений Полин*». Однако никому здесь не нужно было об этом знать. Точно не Фрэнку.

Экскурсия снова остановилась в зале отдыха и пристроенной к нему столовой.

– Обычно меня можно найти здесь, за прилавком, у аппарата с газировкой, – объяснил Фрэнк. – Или на сортировке почты. Ваши письма должны быть доставлены ровно к десяти утра, чтобы они могли пройти через стерилизатор до прихода почтальона. – Фрэнк сделал паузу. – И не помешает немного помолиться, чтобы они не сгорели в процессе.

– Почту стерилизуют? – переспросила она.

Он откинул с лица прядь темных волнистых волос. Очевидно, не знал, что теперь в моде короткие волосы с пробормом сбоку и зачесанные назад а-ля Валентино¹⁴.

– Да, мэм.

– И иногда письма сгорают?

– Не слишком часто, – сказал он, подмигнув.

Она поджала губы и отвела взгляд. Столовая состояла все-

¹⁴ Рудольф Валентино – американский киноактёр итальянского происхождения, секс-символ эпохи немого кино.

го-навсего из стойки и табуретов; нескольких полок, уставленных сигаретами, шоколадными батончиками и консервами; и множества разномастных столов и стульев. В углу стояла мышеловка с заплесневелым кусочком сыра. На стенах болтались золотисто-зеленые гирлянды из крепированной бумаги, разорванные и обвисшие, а нарисованная от руки табличка, с надписью: «Счастливого Марди Гра!¹⁵» висела косо. Несколько островков одинаковых конфетти виднелись на полу.

– Готовы двигаться дальше? – Фрэнк произнес это так, словно именно она их удерживала.

Она протиснулась мимо наружу, к дорожке, но не смогла пройти дальше самостоятельно. Все белые здания здесь были похожи одно на другое, соединенные между собой тем, что должно было составлять более мили прогулок. Мириэль чувствовала себя грызуном в лабиринте, которого пытаются экспериментами, пока он не потеряет всю свою шерсть и не отгрызет собственный хвост.

Процессия остановилась на другом перекрестке.

– Для тех из вас, кто придерживается протестантских убеждений, есть *Union Chapel*¹⁶, – продолжал Фрэнк, указывая когтистой рукой на оштукатуренное здание с квадратной

¹⁵ Аналог Масленицы, веселый праздник перед католическим Великим постом. Дословно переводится как «жирный вторник».

¹⁶ Действующая церковь, концертное заведение и благотворительный центр для бездомных в Ислингтоне, Лондон, Англия.

колокольней и окном янтарного цвета. – Проводит регулярные службы по утрам в воскресенье и библейские лекции по вечерам в среду.

Он также указал на католическую часовню, расположенную не более чем в нескольких десятках ярдов от них. Оба здания выходили окнами в сторону от колонии, к узкой грунтовой дороге и пологой дамбе. Фрэнк рассказал, что река Миссисипи ограничивает резервацию с трех сторон, но дамба закрывает вид на воду. Между часовнями и дорогой возвышался высокий забор, увенчанный несколькими рядами колючей проволоки. Она тянулась звено за звеном, насколько хватало глаз.

Фрэнк говорил что-то о ежедневном расписании месс, но она перебила его.

– Это больница или тюрьма?

Он перевел взгляд с нее на забор и обратно.

– Разве вы не слышали? Здесь есть прокаженные. – Он подождал немного, затем усмехнулся собственной жалкой шутке. Мириэль крепче обхватила подушку и простыни, чтобы не задушить его. Они продолжили путь по дорожке, Мириэль шла последней. Она больше не утруждала себя тем, чтобы поднимать глаза, когда они проходили мимо других пациентов. Она не кивала и не называла им в ответ свое вымышленное имя. Она боялась того зрелища, которое могло предстать перед ней – еще больше чешуйчатой кожи и запавших носов, больше отсутствующих ног и сморщенных рук,

больше покрасневших и унылых глаз.

Они завернули за угол и остановились перед длинным рядом домов. Она молилась, чтобы экскурсия закончилась и один из этих домов принадлежал ей.

– Не забудьте прийти на следующую встречу клуба поддержки, – не унимался Фрэнк, обращаясь к ним и пятясь назад; его неуклюжая походка была медленнее, чем ползала ее дочь Хелен. – Мы устраиваем веселые праздничные вечеринки и светские...

– Довольно шуток! – Мириэль топнула ногой по дорожке. – Мы устали и просто хотим добраться до наших чертовых комнат.

Фрэнк остановился. Ольга и Гектор обернулись и с любопытством посмотрели на нее.

– Боже мой! – продолжала Мириэль, плотина ее ярости прорвалась. – Очереди, почта, ваши искалеченные руки, – она махнула рукой в сторону коттеджей, дорожек и больничных зданий, – все это не смешно! И этот *Как-развеселиться-клуб!* Вы принимаете нас за дураков? С чего здесь кому-то веселиться?!

Фрэнк посмотрел вниз, провел грубыми пальцами по своим растрепанным волосам, затем поднял подбородок. Его льдисто-голубые глаза прямо встретились с ее взглядом.

– Мы живы. Вот с чего.

– Живы?! Ты сам сказал, мы... – Она с трудом выдавила следующее слово: – ...прокаженные! С таким же успехом мы

могли бы быть мертвы!

– Я вижу это совсем не так.

Она подхватила свой багаж и проскользнула мимо Ольги и Гектора, чтобы встать прямо перед ним.

– В таком случае, возможно, тебе стоит проверить зрение! Эта шутка для тебя! А теперь я хочу узнать, какой номер моей комнаты?!

Он покачал головой, затем пробормотал:

– Дом восемнадцать. Айрин – твой комендант. Она покажет тебе твою комнату.

Мириэль протопала мимо него. Коттеджи вплотную примыкали к дорожке, над дверью каждого был нарисован номер. Большинство из них были открыты, кресла-качалки и растения в горшках загромождали похожий на крыльцо угол, который выступал за пределы дорожки.

У дома восемнадцать в таком же обветшалом кресле-качалке, сгорбившись, сидела пожилая женщина. Поражения обезобразили ее лицо, левую щеку закрывала марлевая повязка. Розовая жидкость просочилась сквозь волокна и текла вниз из-под краев прямо по ее лицу.

– Что вы ищете? – поинтересовалась она, когда Мириэль приблизилась.

– Вы Кэтлин?

– Вы имеете в виду Айрин? Нет, это не я.

Женщина замолчала, и Мириэль, обойдя ее, вошла внутрь. Коридор тянулся по всей длине дома, с дверями по

обе стороны. Половицы скрипели. Краска на стенах пузырилась от плесени.

– Третья дверь справа, новенькая, – крикнула ей вслед женщина.

Комната была пуста, если не считать узкой кровати с железной рамой, приставного столика, стула с прямой спинкой и платяного шкафа без изысков. У стены гудел чугунный радиатор. Багаж Мириэль лежал кучей в углу. Серый дневной свет проникал в комнату через незашторенное окно. Мириэль вошла внутрь и закрыла дверь. Она просто уронила все, что было у нее в руках, и уставилась на крошечную комнату, слишком потрясенная, чтобы плакать.

Глава 8

Несколько часов спустя раздался стук в дверь. Мириэль не потрудилась встать со своей голой кровати, чтобы отворить дверь.

– Уйдите.

Она ничего не достала, кроме фотографии своей семьи в рамке, которую поставила на шаткий прикроватный столик. Все остальное лежало нетронутым – ее багаж возвышался кучей в одном углу, ее постельное белье и подушка грудой валялись на полу.

Стучавший вошел без приглашения.

– Добро пожаловать в Карвилл!

Это была высокая женщина, с широкой талией, с выкрашенными хной волосами, седеющими у корней.

– Вы Айрис? – спросила Мириэль.

– Айрин. Комендант этого вот дворца.

– Вы что...

– Прокаженная? – Она протянула руку и похлопала Мириэль по плечу. – Детка, мы все здесь прокаженные.

Мириэль отпрянула так резко, что упала с узкой кровати, приземлившись на спину с противоположной стороны.

– Я не... я не... У меня не может быть этой болезни!

Айрин обошла кровать и протянула руки, чтобы помочь Мириэль подняться. За исключением нескольких красных

пятен на лице и шею, ее кожа была безупречна, а конечности целы. Мириэль неохотно взяла ее за руки. С удивительной силой для женщины, которой было под пятьдесят, та подняла ее на ноги.

– Я знаю, это тяжело, детка. Мне потребовались месяцы, чтобы принять это. Плакала две недели подряд, а потом еще немного. – Она сжала руки Мириэль, прежде чем отпустить. – Давай возьмем тебе что-нибудь поесть.

– Уже время ужина?

Айрин склонила голову набок, обнажив большое ухо с изуродованной, вытянутой мочкой. словно по сигналу, где-то в колонии зазвонил колокол.

– Вот сейчас. Это сигнал к ужину. Давай, пошли.

– Я не голодна.

– Конечно же, голодна. – Айрин схватила ее за руку и потащила из комнаты.

Пройдя по дорожке несколько изгибов и поворотов, они добрались до столовой. Айрин болтала всю дорогу, но Мириэль не уловила ни слова. Они встали в конец длинной очереди и зашаркали со своими подносами вдоль прилавка с едой. Кухонный персонал выложил на тарелку горох, жареный картофель и курицу и поставил ее на поднос Мириэль. Следом хлеб с маслом, стакан молока и какое-то липкое вещество, которое, как она догадалась, было десертом.

С полными подносами они с Айрин пересекли обеденный зал и направились к столу, за которым сидели женщины. Лю-

ди крутили головами и глазели на проходящую мимо Мириэль.

– Народ здесь пошевеливается, только когда наступает время еды, – говорила Айрин. – Как только услышишь сигнал, тебе лучше поторопиться. – Она кивнула Мириэль, чтобы та заняла последнее оставшееся за столом место, затем втиснула другой стул для себя. – Послушайте, дамы, это Полин.

После хора приветствий Айрин представила каждую из женщин, большинство из которых жили в доме восемнадцать, включая пожилую, забинтованную женщину, которую Мириэль встретила на крыльце. Ни одно из их имен не застряло в ее затуманенном сознании. Все, что она заметила, – это их болезнь. У некоторых на коже были видны островки поражений – сухие, толстые участки более или менее круглой формы. У одной на руках и ногах были волдыри размером с горошину. У другой не было бровей, только утолщенная красная кожа на их месте. Женщине слева от Мириэль было трудно схватить вилку, так как несколько ее пальцев скрючились, как у Фрэнка. Женщина напротив не могла полностью сомкнуть веки, ее дряблые щеки и губы обвисли, придавая ей странное, печальное выражение. У кого-то вообще не было заметных признаков болезни.

– Это правда, что вы из Калифорнии? – спросила женщина с несколькими бледными кружками, разбросанными по ее коже.

– Да.

– Вы когда-нибудь встречали кого-нибудь из кинозвезд?

Мириэль поперхнулась глотком молока.

– Нет.

– Как жалко! – вздохнула женщина и вернулась к своей еде.

Женщины задавали и другие вопросы. Личные. Замужем ли она? Как долго? Дети? Мальчики? Девочки? Сколько их? Сколько лет? Был ли у кого-нибудь из них этот недуг?

– Конечно, нет, – ответила Мириэль на последний вопрос.

Несколько женщин за столом фыркнули и ухмыльнулись.

– Ладно, хватит расспросов, – прервала их Айрин, накалывая на вилку последние кусочки курицы и картофеля. – Дайте бедняжке отдышаться, ладно?

И они перешли к обсуждению Гектора и других новичков, на которое Мириэль никак не отреагировала. Вместо этого ее мысли вернулись к осмотру. Интересно сколько раз Док Джек коснулся ее ватной палочкой, которую она не почувствовала? Распространилось ли онемение на ее обожженный палец? Все ее тело казалось расплывчатым, словно она была персонажем одного из рисунков дочери – одна рука и половина тела были беспорядочно стерты, остальное без четких очертаний или украшений, оставлено для завершения, но уже после чаепития с куклами.

Она посмотрела вниз на вилку, погруженную в нетронутую еду. Если она проткнет руку зубцами, почувствует ли

боль? А как насчет того, чтобы пронзить ею сердце? Анализы и микроскоп Дока Джека не имеют значения. Несколько крошечных – как он их назвал? Бациллы? – не помешают ей вернуться домой.

– Вот пожалуйста, – громко произнесла Айрин, отвлекая Мириэль от ее мыслей. – Что я тебе говорила насчет опоздания на ужин?

К их столику подошла маленькая девочка. Ее чулки сморщились на лодыжках, а черно-белые оксфорды были заляпаны грязью. Воздух покинул легкие Мириэль. В Карвилле были дети?! Прошло несколько секунд, прежде чем она вспомнила, что нужно снова вдохнуть.

Девочка втиснулась между Мириэль и Айрин, со стуком поставив поднос с ужином.

– Я тебе говорила, никаких привилегий для радио, – продолжила Айрин. – Помнишь?

Девочка кивнула.

– Хорошо. Ты еще раз опоздаешь?

Она покачала головой и отправила в рот большой кусок картофеля.

– Полли, это Жанна, – сказала Айрин.

– Приятно познакомиться, – выдавила Мириэль после очередного прерывистого вздоха.

Жанна повернулась и посмотрела на нее, одновременно громко жуя и причмокивая губами. Ее темные волосы были заплетены в две косы, одна из которых начала расплетаться.

Веснушки усеивали нос и щеки наряду с красными пятнами, Мириэль предположила, что это болезнь.

– Сколько тебе лет?

Жанна сглотнула и широко улыбнулась. Одного из ее коренных зубов не хватало, а другой частично врос. Она подняла девять пальцев.

Мириэль показалось, что ребра сдавили ей сердце. Ее сыну тоже было бы девять лет.

– Когда у тебя день рождения?

Вместо ответа Жанна откусила еще кусочек картофеля.

– Она не может говорить, – вмешалась одна из женщин через стол.

– Это неправда, – возразила Айрин. – Она не разговаривает. Разница есть.

Ребра Мириэль сжались еще сильнее. Как ужасно для маленького ребенка так страдать. Она оглядела обеденный зал в поисках других детей и заметила почти дюжину. Их родители тоже были прокаженными? Слава Богу, ее собственные дети были за сотни миль отсюда, в целости и сохранности, под надежным присмотром няни.

Дрожащей рукой она взяла стакан с молоком и сделала глоток. Когда она поставила его обратно на стол, ее внимание привлекло резкое движение внутри жидкости. Что-то коричневое и скользкое извивалось внутри. Мириэль закричала, оттолкнувшись от стола так быстро, что ее стул чуть не опрокинулся.

– В чем дело, детка? – забеспокоилась Айрин.

Мириэль указала на стакан, затем схватила салфетку и вытерла язык.

– Молоко прокисло? – Айрин взяла стакан и понюхала.

– Там что-то есть.

Айрин нахмурилась и погрузила пальцы в молоко. Мгновение спустя она вытащила извивающегося головастика с выпученными глазами.

Сидящие за столом засмеялись, Жанна громче всех.

Айрин схватила Жанну за руку и кинула скользкое существо ей на ладонь.

– Отнеси это к фонтану прямо сейчас, а потом захвати для миссис Марвин стакан молока. И даже не думай о том, чтобы завтра пойти в зал отдыха послушать радио.

Жанна надулась и шумно поднялась со стула.

– Прости, детка, – сказала Айрин Мириэль. – Жанна иногда может быть немного вредной.

Немного?! Мириэль снова вытерла язык, затем скомкала салфетку и бросила ее на тарелку. Хорошо, что она не голодна. Кто знает, что еще девчонка сунула в ее еду.

Вокруг нее продолжался разговор. Жанна принесла молоко, но Мириэль не собиралась его пить. Она знала, что невежливо уходить, пока остальные едят, но ей было все равно. Она схватила свой поднос и начала вставать, когда одна из женщин спросила:

– Скажите, все эти чемоданы и сумки, которые санитары

принесли сегодня утром, действительно ваши?

– Да. Только самое необходимое. Я не останусь надолго. Я не... – Не что? Не прокаженная? Анализы Дока Джека доказали, что это так. *Микобактерии лепры*, сказал он, хотя с таким же успехом мог бы вручить ей колокольчик и крикнуть. «Грязная, грязная!» – Я не больна.

– Так будешь, – усмехнулась женщина с забинтованным лицом. – Когда-то мы все были хорошенькими, куколка.

– Помолчи, Мэдж, – велела Айрин, а затем обратилась к Мириэль: – Не обращай на нее внимания. Болезнь у всех протекает по-разному.

– Мой врач в Чикаго сказал мне, что я пробуду здесь максимум два месяца, – добавила другая женщина. – В результате я взяла с собой только один паршивый чемодан.

Мириэль снова села. Доктор в Калифорнии сказал ей и Чарли то же самое. Самое большее, несколько месяцев, и она будет дома. Она была рада услышать подтверждение этим словам. Два месяца в этом ужасном месте без Чарли и дочерей показались ужасно долгим сроком. Но слова этой женщины вселили в нее надежду. У нее, как и у Мириэль, было мало внешних признаков болезни, и сейчас срок ее заточения, несомненно, приближался к концу.

– Сколько у вас еще осталось времени?

– Времени для чего?

– Из ваших двух месяцев?

За столом снова рассмеялись.

– Милая, это было пять лет назад. И у меня нет надежды уехать в ближайшее время.

– Пять лет?!

– Это ерунда, – добавила еще одна женщина. – Я здесь уже семь.

– Если бы я тогда знала то, что мне известно сейчас, – продолжала женщина из Чикаго, – я бы захватила с собой весь свой дом.

Айрин похлопала Мириэль по колену.

– Все не так плохо, как выглядит. Каждый месяц Док Джек и сестры будут соскабливать немного твоей кожи, наносить на предметные стекла и рассматривать ее под микроскопом. Если ты продержишься двенадцать месяцев подряд без каких-либо признаков микроорганизмов, тебе выдадут диплом, и ты свободна.

– Диплом?

– Сертификат из управления общественного здравоохранения, в котором говорится, что человек больше не представляет угрозы для общества.

Мириэль нахмурилась. Угроза? Это было почти такое же уродливое слово, как «прокаженный».

– Если вам нужно всего двенадцать отрицательных тестов, как получилось, что вы все здесь так долго?

Несколько женщин ухмыльнулись. Жанна хихикнула с набитым ртом.

– Двенадцать *подряд*, – уточнила Айрин.

– Как долго ты ждешь свой диплом, Мэдж? – спросила женщина из Чикаго, прежде чем повернуться и прошептать Мириэль: – Она настоящий старожил.

Мэдж выплюнула кусочек куриного филе на свою тарелку, затем обратила свои злые, водянистые глаза на Мириэль.

– Двадцать один год.

Глава 9

Следующие дни прошли как в тумане. Приглашенный дантист осмотрел зубы Мириэль. Специалист в лаборатории взял образцы крови. Медсестра сделала ей прививку от оспы. Она снова встретила с Доком Джеком, который рассказал ей много всего о болезни и прописал два раза в неделю инъекции экстракта масла чаульмугры¹⁷ и то же самое мерзкое лекарство, в форме капсул для приема внутрь во время еды. Капсулы заставляли ее желудок бурлить и чаще всего возвращались так же быстро, как она их глотала, обжигая горло и оставляя во рту привкус тухлой рыбы.

В перерывах между приемами пищи и осмотрами у врача Мириэль не выходила из своей комнаты. Самый первый разговор с соседями по дому прокручивался в ее голове, как заезженная пластинка. *«Когда-то мы все были такими же хорошенькими, как ты... Нет надежды уехать в ближайшее время... Если бы я знала тогда то, что знаю сейчас...»*. Двадцать один год Мэдж провела в этом убогом заведении. Это принесло ей не много пользы. Неудивительно, что у нее был темперамент вареного омара.

Мириэль не могла остаться здесь и на целый год, не говоря уже о том, чтобы задержаться еще на двадцать. Ей нужно

¹⁷ Тропическое вечнозеленое дерево, высотой до 20 метров. Масло из семян растения широко применяется в аюрведической медицине.

было растить своих дочерей. Сколько раз за несколько месяцев до приезда в Карвилл она стряхивала Эви со своих колен и предлагала ей пойти играть? Сколько раз, слыша плач Хелен, ждала, когда няня успокоит ее? Что она за мать? Потребовался бы двадцать один год и еще двадцать, чтобы загладить свою вину перед детьми.

* * *

На четвертый день, за обедом Мириэль почувствовала знакомое шевеление в желудке и поспешила на улицу, чтобы ее вырвало. Все три ее беременности, вместе взятые, не заставляли ее чувствовать себя настолько плохо, как эти ужасные таблетки чаульмугры.

Рядом со столовой располагался запущенный чайный сад и фонтан. Она поспешила к нему и плеснула в лицо водой. Холодок пробежал по ее коже, но тошнота медленно отступила.

Как раз в тот момент, когда она собиралась вернуться внутрь и съесть еще немного обеда, позади нее раздался тихий свист. Она вздрогнула и обернулась. Мужчина средних лет сидел за одним из бетонных чайных столиков неподалеку.

– Какая горячая штучка, – сказал он, откровенно, без стеснения разглядывая ее. Кожа его лица была толстой и гру-

бой, а узловатые предплечья напомнили ей хила-монстра¹⁸. Он встал, и Мириэль попятилась, наткнувшись на край фонтана.

– Не думаю, что мы имели удовольствие встречаться. Ты, должно быть, здесь новенькая. – Он сделал шаг вперед и протянул руку. Мириэль не шелохнулась, оставив его вытянутую руку висеть в воздухе. – Что, боишься, что я заразен? – Он еще мгновение подержал руку на весу, прежде чем опустить ее. – У меня для тебя новости, куколка: так же, как и ты, иначе тебя бы здесь не было.

Мириэль вздернула подбородок и направилась прочь.

– Куда ты так спешишь?

– Я лучше буду сидеть и смотреть, как растут мои волосы, чем разговаривать с таким грубияном, как ты.

Он усмехнулся.

– Мои извинения. Последние четыре недели я провел в тюрьме, так что немного подзабыл про манеры.

Мириэль остановилась на полпути к лестнице, ведущей обратно в столовую, и обернулась.

– Здесь есть тюрьма? – Она не смогла удержаться от смеха. – Для кого? Для пациентов, которых поймали за превышение скорости велосипеда на пешеходных дорожках? Или для тех, кто отказывается принимать таблетки чаульмугры?

– Останься ненадолго, и я тебе расскажу.

¹⁸ Ядовитая ящерица семейства ядозубов. Название дано ей по реке Хила в Аризоне.

Мириэль поколебалась, затем спустилась по лестнице и села на край фонтана.

– Ну?

Мужчина улыбнулся. Его зубы были цвета мочи.

– Как тебя зовут?

– Мири... Полин Марвин.

– Классное имя.

– Итак, почему ты был в тюрьме?

– Эй, притормози, куколка. Теперь ты должна спросить мое имя. Это лишь вежливость.

– Может быть, мне это не важно.

Он подался вперед.

– Я скажу тебе свое настоящее, а не выдуманное имя, которым меня называют монахини. – Он сделал паузу, снова улыбнулся и наклонился ближе. – Мое настоящее имя Сэмюэл Хэтч. Когда-нибудь слышала обо мне?

Мириэль отползла назад, настолько, чтобы не упасть в фонтан.

– Нет.

– Я – причина существования всего этого заведения. Несколько лет назад в Вашингтоне заварил такую кашу, что у них не было другого выбора, кроме как создать национальный дом для прокаженных, чтобы запереть меня в нем.

Она на мгновение задумалась и вспомнила, как ее отец упоминал что-то о прокаженном, пробравшимся в какой-то шикарный отель в Вашингтоне, чтобы привлечь внимание

Конгресса. Отец был заядлым читателем «Таймс» и «Экзаминер», и часто за завтраком зачитывал самые сенсационные истории вслух. Ее удивило, что она вообще вспомнила эту статью, так как почти каждое утро она выходила к столу полусонная, ее волосы все еще пахли сигаретным дымом и вчерашними духами.

– Это было больше десяти лет назад. Ты здесь с тех пор? В тюремной камере?

– Не-а. Я здесь с семнадцати лет, но это не причина, по которой я был заперт. – Он похлопал по бетонной скамейке. – Почему бы тебе не сесть рядом со мной?

Мириэль нахмурилась. Он мог быть сумасшедшим. Опасным. И к тому же запах его дыхания был так же ужасен, как и его зубы. Но любопытство взяло верх. Она села не рядом, а на противоположной скамье, так что между ними находился бетонный чайный столик. Он повернулся к ней лицом.

– Продолжай, – сказала она. – У меня нет времени сидеть с тобой целый день.

Он рассмеялся.

– Все, что у нас здесь есть, – это время. Долгие годы. Время сидеть, гнить, ждать своей смерти и размышлять о нашей прошлой жизни.

Мириэль подавила ухмылку. Философ-прокаженный – разве это не великолепно?

– Я заметил твое обручальное кольцо. Есть дети, миссис Марвин?

Внезапная серьезность в его глазах обезоружила ее.

– Да, есть.

– У меня тоже. Три дочери и сын. – Он посмотрел вниз. –

Теперь они выросли. Думаю, переженились.

– Вы не поддерживаете связь? Разве они не знают, что ты здесь?

– О, они знают.

Он рассказал, как его вместе с семьей гоняли из одного города в другой, как только узнавали о его болезни. В течение многих лет они скитались, живя впроголодь на задворках общества. В конце концов, органы здравоохранения настигали их, и его запирали в изоляторе. Все это время его болезнь прогрессировала и скрывать ее было все труднее.

– Никто из родных не заразился от вас? – перебила она.

– Не так страшен черт, как его малюют. Говорят, что дети особенно восприимчивы, но ни у кого из моих детей никогда не было даже шишки. Впрочем, это оказалось не важно. – Его серьезные глаза стали злыми. – Знаешь ли ты, что наше состояние является законным основанием для развода?

Мириэль коснулась серебряного браслета на своем запястье. Такое могло случиться с другими, но у нее с Чарли все иначе. Они уже пережили гораздо худшие времена. И к тому же, ее болезнь только сблизила их. Она встала. Легкий ветерок трепал живые изгороди сада и широкие пальмовые листья. Глупо было позволить его жалким бредням напугать ее.

– Я еще не сказал, почему я это сделал, – сказал мистер Хэтч.

– Сделал что?

– Поднял такой шум в Вашингтоне.

Она направилась к лестнице.

– Мне все равно.

– Я никому не был нужен, понимаешь? Куда бы я ни пошел, в каждом логове дьявола, в котором меня запирали, все просто хотели поскорее от меня избавиться. Пусть проклятый будет проблемой кого-то другого! Если они собираются настаивать, что нас нужно изолировать от остального мира, то самое меньшее, что они могут сделать, это позаботиться о нас.

– Так вот почему они заперли тебя в тюрьме? Потому что ты так много треплешься?

– Из-за девушки снаружи, с которой я встречаюсь. Ей все равно, кто ты или что ты, пока оставляешь несколько зеленых на тумбочке.

Мириэль остановилась. Что он имел в виду, говоря «снаружи»? Она обернулась.

– Где ты с ней видишься?

Он сверкнул желтыми зубами.

– Зачем тебе? Хочешь пойти со мной?

– Исключено, парень. Мне интересно: она приходит сюда или ты ходишь к ней?

– Если ты думаешь, что сестры впускают шлюх в часы по-

сещений, то ты больше глупая, чем хорошенькая. Конечно, я хожу к ней. В бордель за пределами Батон-Руж. Вот почему меня бросили в отстойник.

– За то, что сбежал тайком?

– За то, что не вернулся.

– Они тебя выпустили?!

– Нет, но я собирался вернуться до того, как тупица сторож поймет, что я ушел. Не-а, я улизнул, чтобы повидаться со своей Лулу, и на этот раз отсутствовал три месяца, пока какой-то болван в городе не сдал меня.

– На этот раз? Ты уже убегал раньше?

– Много раз. Меня так тошнит от этого места, что я начинаю немного сходить с ума и забываю, какая дерьмовая жизнь снаружи. Черт, половину времени, когда я добираюсь куда бы то ни было, мне кажется, что я хочу туда, а в итоге возвращаюсь.

Сейчас он казался полусумасшедшим, но Мириэль вернулась к столу и села рядом с ним.

– Как ты это делаешь?

Глава 9

В ту ночь Мириэль дождалась пока по дорожке перед домом затих тяжелый стук сапог ночного сторожа, и выскользнула наружу. В каждой руке она несла по пухлому саквоюжу, а третий держала под мышкой. Ей потребовалось несколько часов, чтобы разобрать свои вещи, решая, что взять с собой, а что можно оставить.

Свет струился из-под дверей некоторых ее соседей, но никто даже не шевельнулся, когда она прокралась мимо. Она вышла из дома через заднюю дверь, где крытая веранда вела к короткому лестничному пролету. После вечернего дождя земля была влажной и вязкой. Грязь засасывала ее лакированные туфли. Но крытая дорожка была слишком шумной и хорошо освещенной, чтобы ее можно было безопасно преодолеть. Она на цыпочках прокралась за домами к передней части колонии. Облака закрыли звезды и приглушили лунный свет.

Мистер Хэтч рассказал ей о дыре в восточном углу сетчатого забора, окружавшего объект. Отверстие, достаточно большое, чтобы в него можно было пролезть. Ее сердце бешено колотилось в груди, подпитываемое в равной степени страхом и возбуждением. Через три дня она снова будет дома! Конечно, оставался вопрос, как туда добраться. И тогда они с Чарли могли бы решить, что делать дальше. С тех пор,

как она обратилась к врачу в Лос-Анджелесе ее болезнь совсем не прогрессировала. Возможно, – если она правильно расслышала это выражение – стойкая ремиссия. Она также слышала, как пациенты рассказывали о врачах за пределами колонии, готовых лечить прокаженных без карантина. В любом случае, пребывание в Карвилле не слишком полезно. Ее дочери нуждались в ней. Чарли нуждался в ней. И она нуждалась в них.

Дюжина старых дубов росла на широкой лужайке между крайними домами и забором. Мох, облепивший ветки, в темноте казался цвета старых костей. С каждым шагом ее багаж становился тяжелее, а грязь, забившаяся в туфли, хлюпала между пальцев ног. Добравшись до забора, она ощупала звенья в поисках отверстия. Холодный металл царапнул подушечки пальцев. Каждый звук заставлял ее вздрагивать и замирать. Она осторожно прошла по всей длине забора от восточного угла до живой изгороди, которая ограничивала пациентскую часть резервации. Ничего. Ни единого разрыва или дыры. Щурясь, в почти кромешной темноте, она вернулась по своим следам, ведя пальцами по металлическим звеньям так низко к земле, как только могла наклониться.

К тому времени, как она добралась до восточного угла, облачный покров рассеялся, и лунный свет осветил территорию. Но даже при этом Мириэль не смогла найти дыру, описанную мистером Хэтчем. Неужели он солгал ей? Или отверстие заделали?

Грудь Мириэль сжалась, а глаза защипало. До первого дня рождения Хелен оставался всего месяц. Она поставила свои сумки и рассеянно подергала браслет. Конечно же, Бог не оставил ее в живых только для того, чтобы разлучить с дочерью. Она взяла саквояж, в котором лежала фотография в серебряной рамке, ухватилась за забор и принялась карабкаться. Металл загремел под ее весом, вонзился в ладони, зацепился за ее юбку и порвал чулки, но Мириэль продолжала карабкаться. Медленно. Раскачиваясь. Ее пальцы ныли, когда она приблизилась к верхней точке. Держась одной рукой, она подняла саквояж вверх и перебросила его через колючую проволоку, венчавшую верхушку. Он с глухим стуком приземлился в сорняки на другой стороне. Что теперь? Как ей подтянуться и перемахнуть на ту сторону?

С дамбы налетел ветерок, сотрясая забор. Она вцепилась в металлические звенья и закрыла глаза, дожидаясь пока этот порыв уляжется. Затем отпустила одну руку и высвободила ее из рукава пальто. Она могла бы использовать пальто, чтобы защититься от колючек. Еще один порыв и ветер, подхватив свисающую ткань, откинул ее назад. Мириэль ухватилась за забор как раз в тот момент, когда пальцы другой руки начали ослабевать. Пальто соскользнуло, повисло на запястье, развеваясь, как накидка. Прежде чем она успела схватить его, ветер вырвал его на свободу. Оно, плюхнулось на землю, как подстреленная птица.

Мириэль мгновение раздумывала спуститься за ним, но ее

руки уже дрожали от усталости. Если она не перелезет сейчас, то больше не сможет забраться так высоко. Она вдохнула холодный ночной воздух до глубины легких и потянулась за верхней нитью ограждения. Та провисла от силы ее хватки. Мириэль оторвала одну ногу от забора и поставила ее на несколько звеньев выше другой, затем перенесла вес и прыгнула вверх, надеясь, что инерция перенесет ее через забор. Но она не рассчитывала, что ее юбка зацепится за колючки, сковав ноги так, что она не сможет их перебросить. На мгновение она повисла на вершине, шипы вонзились в кожу и разодрали ее. А потом она упала. Первыми приняли удар руки, которыми она нелепо размахивала в воздухе. Кости левого предплечья хрустнули. Зад и голова приземлились следом. Она услышала собственный вопль, и ее зрение затуманилось.

* * *

Мириэль была не уверена, потеряла ли она сознание или просто закрыла глаза от боли и продолжала вопить. Открыв глаза, она обнаружила, что над ней кружат два белых канюка. Нет, это не стервятники. Сестры и их головные уборы.

– Тише, дорогуша, – проговорила одна из них. – Ты разбудишь всю колонию.

В лицо Мириэль ударил свет, и мужской голос спросил:
– Что здесь происходит?

– Боюсь, еще один беглец, – ответила другая сестра.

– Нет, нет. – Мириэль попыталась покачать головой, но от этого движения ее затошнило. – Я просто... споткнулась.

– Помогите нам доставить ее в лазарет, – попросила сестра.

Ослепительный свет погас, две руки схватили ее под мышки и подняли. Боль пронзила ее предплечье. Она снова взвизгнула.

– Можете идти? – спросил мужчина. Мириэль узнала в нем ночного сторожа.

Ее ноги твердо стояли на земле, но мир вокруг покачивался. Каждая частичка тела болела – спина, голова, но особенно рука. Она сделала неуверенный шаг.

– Думаю, да. – Сделала еще шаг, покачнулась и упала обратно в объятия мужчины.

Обхватив здоровой рукой шею сторожа, она сумела доковылять до лазарета. В нескольких домах горел свет. Любопытные жители прижимались к оконным стеклам, как к экранам. Ее платье, поняла она, оно порвано колючей проволокой, окровавлено, заляпано грязью. Но не то чтобы они не были свидетелями зрелищ похуже. Взгляните в зеркало, если хотите шоу, крикнула бы Мириэль, если бы ей не было больно говорить.

Сестры побежали вперед и приготовили для нее постель. Они срезали то, что осталось от ее платья и чулок, промыли спиртом многочисленные порезы и помогли ей надеть боль-

ничный халат. Вскоре прибыл Док Джек с затуманенными глазами и волосами, стоящими дыбом, а с ним сестра Верена, ее длинное синее платье было таким же прямым и жестким, как ее взгляд.

Док Джек проверил глаза Мириэль с помощью маленького фонарика, затем прощупал ее позвоночник и затылок.

– Несколько ушибов в поясничной области и у основания черепа, но ничего более серьезного, – продиктовал он одной из сестер, которая нашла ее и теперь сидела, и строчила в карте. Затем, обращаясь к Мириэль, он сказал:

– Вам повезло. Небольшое сотрясение мозга. Сломанная рука. Вы могли сломать себе шею.

Его глаза смотрели по-доброму, тон был мягким, но Мириэль молча отвернулась. Она не чувствовала себя везучей. Ее рука горела словно в огне. Ее платье и чулки были испорчены. Завтра за завтраком ее имя будут шептать над каждым подносом. И, что важнее всего, она все еще заперта в этой адской дыре. Хелен исполнится один год, а ее не будет рядом.

Док Джек сделал Мириэль укол, чтобы облегчить боль, пока они с Сестрой Вереной вправляли ей руку. Лекарство затуманило ее разум и притупило боль, но она все равно вздрогнула и вскрикнула, когда кость вправили.

– Вам не следовало пытаться сбежать, – сказала сестра Верена, как только процедура была завершена, и она принялась оборачивать ее руку марлей, а затем полосками пропитанного гипсом муслина. – Какой дьявол вселился в вас, что вы

решили, что сможете перелезть через забор из колючей проволоки?

Мириэль не разобрала, действительно ли женщина верила, что в нее вселился дьявол, или это был просто ее дурацкий способ назвать Мириэль глупой. В любом случае, она ненавидела ее. Сестра Верена понятия не имела, что значит быть матерью, что боль от разлуки с детьми хуже тысячи сломанных рук.

– Я просто вышла на ночную прогулку, и поскользнулась, – проямлила Мириэль. Это была нелепая ложь, но она не собиралась доставлять удовольствие сестре Верене, рассказывая правду.

– Так эта голубая ткань, зацепившаяся за колючую проволоку, не от того нескромного костюма, который вы называете платьем?

Мириэль посмотрела ей прямо в глаза.

– Нет.

– И две сумки, которые сторож Дойл нашел у забора, не ваши?

– Нет.

– Ну, как скажете. Должно быть, это чье-то еще. Я скажу мистеру Дойлу, чтобы он отвез их прямо в мусоросжигательный завод. – Она приложила последние полоски муслина к гипсу Мириэль и встала.

– Подождите.

Не беда, если сгорят туфли и платья. Но фотография была

незаменима.

– Они мои. На другой стороне забора у дороги есть еще одна сумка.

Сестра Верена вздернула подбородок и ухмыльнулась.

– Я так и думала.

Глава 11

Мистер Хэтч, возможно, и солгал насчет дыры в заборе, но он не солгал насчет тюрьмы. Как только Мириэль наложили гипс, ее увезли в маленькое бетонное здание на дальнем краю колонии. Ее камера была оборудована самым скромным образом – кровать, стол и стул с соломенной спинкой – все это скрипело и шаталось. Единственное окно комнаты – щель высоко в стене, пропускающая скудный свет и никакого ветерка. Ее единственными спутниками были мышь, которая жила в углу, в полуразрушенной части стены, и сторож Дойл. Из этих двоих Мириэль предпочитала мышь.

Единственным послаблением было разрешение каждый день, в течение двадцати минут бродить по огороженному тюремному двору для физических упражнений. Мириэль наслаждалась этими короткими глотками свежего воздуха и настаивала на том, чтобы выйти на улицу, даже если шел дождь. Почти каждый день появлялась Айрин. Она приходила прямо со смены в аптеке, пахнувшая пятидесятицентовыми духами и рыбой недельной давности. Они болтали несколько минут через сетчатый забор, львиную долю разговоров вела Айрин. Затем, когда сторож не смотрел, она подсовывала Мириэль шоколадку или журнал, и весело прощалась.

Все остальное время Мириэль была зациклена на побеге.

Не из тюрьмы, а из этой жалкой колонии. Конечно, ей придется подождать, пока заживет сломанная рука. И на этот раз она возьмет только одну сумку... максимум две. Вместо того чтобы нести их вручную, она перекинет их через плечо, чтобы обе руки были свободны, и перелезть через забор станет проще. Если она обернет свой кожаный пыльник вокруг верхних нитей колючей проволоки – на этот раз заранее, – она сможет перелезть без единой царапины. Оттуда добраться домой будет проще простого. Никто не заподозрит молодую, элегантно одетую женщину в том, что она прокаженная. Она в мгновение ока поймает попутку и будет на вокзале в Новом Орлеане, прежде чем кто-нибудь в Карвилле поймет, что она сбежала.

Лежа на комковатом матрасе в своей камере, она представила себя дома: французские двери в большой комнате широко распахнуты, морской бриз развеивает тонкие занавески, в руке шипит ледяной джин. На граммофоне крутится ее любимая пластинка. Из детской, где играют девочки, доносится смех. Из кухни слышен солоноватый запах устриц «Рокфеллер». Родстер Чарли грохочет по подъездной дорожке. Дом. Ей просто нужно сбежать и добраться туда.

Однажды днем, спустя несколько недель заключения, вместо обычного помятого журнала или полурасплавленного батончика «О Генри!»¹⁹, Айрин передала через забор

¹⁹ Шоколадный батончик, содержащий арахис, карамель и помадку, покрытый

письмо.

– Я попросила Фрэнка откладывать твою почту. Это пришло вчера.

Мириэль схватила конверт, даже не обернувшись на сторожа Дойла. Обратного адреса не было, но ее дурацкий псевдоним – миссис Полин Марвин – и почтовый адрес колонии были написаны рукой Чарли. Она проследила взглядом аккуратные буквы, прежде чем поднести конверт к носу. Она надеялась вдохнуть пряный аромат лосьона после бритья, которым пользуется муж, но пахло только бумагой.

– От твоего муженька? – уточнила Айрин.

Мириэль кивнула.

– Когда мой старик воевал на Филиппинах, я была влюблена так же, как ты. Боже, как я скучала по нему! – Она теребила яркое золотое кольцо с рубином на указательном пальце. – Я когда-нибудь рассказывала тебе историю о том, как он в Далласе выиграл в покер это кольцо... для меня...

Мириэль негромко кашлянула.

– О, черт! Что это я треплюсь, когда тебе, должно быть, хочется побыть наедине со своим письмом. – Она подмигнула Мириэль. – Я зайду завтра, детка, на случай, если ты напишешь ответ, который мне нужно будет тайком забрать.

Мириэль поблагодарила ее, затем села в тени ближайшего дерева спиной к тюрьме и разорвала письмо.

14 марта 1926 года

После твоего отъезда, сидя в тишине, я часто думаю о том времени, когда мы были вместе. Уверен, ты знаешь, что те первые годы были одними из самых счастливых в моей жизни. Наши послеобеденные прогулки на море с детьми. Костюмированные балы, чаепития и шумные вечеринки в Хиллз. Как ты тогда сияла! Даже Дуглас не мог похвастаться более очаровательной женой. И какой замечательной матерью ты была. Все любили тебя тогда, и я больше всех.

Но после смерти Феликса все так быстро развалилось. С тех пор никто из нас не чувствует себя счастливым. Я думал, что рождение Хелен может стать для нас шансом начать новую жизнь. Но то, что с тобой произошло сразу после, лишило нас этой возможности. Мой фильм, на который ты даже не потрудилась прийти, и в студии стали шептаться, чтобы ты меня бросила. А ты, ты не могла ничего понять, потому что никогда ни к чему в своей жизни не стремилась. Никогда ни за что не боролась.

Я ушел с головой в свою работу на студии. Теперь я понимаю, что это была тщетная попытка компенсировать внутреннюю пустоту. Ты ушла в себя и была всего лишь оболочкой женщины, переходящей от дивана к бару и обратно, нисколько не заботясь о том, как твоя депрессия убивает нас. Даже когда ты была на ногах – играла в маджонг с другими студийными женами или дрейфовала среди толпы на вечеринке – ты оставалась призраком. Даже плач

Хелен или смех Эви не могли тебя расшевелить. Дошло до того, что я предпочитал повсюду ходить один и оправдываться за твое отсутствие или надолго задерживаться на съёмочной площадке после того, как все остальные разошлись по домам. Одиночество было лучше, чем твоя безрадостная компания. Любой, кто видел дальше бойких презентаций, которые мы делали о себе, мог бы догадаться о моей бравате и твоей непреодолимой меланхолии.

Я не упрекаю тебя за твою печаль. Как я могу, когда чувствую ее также глубоко? Но твое безразличие, твоя нетерпимость, твой эгоизм – все это чуть не погубило нас. И я беспокоюсь, что это все еще может произойти. Я знаю, что ты сетуешь на свое нынешнее положение, но ты должна следовать совету врача и оставаться в Карвилле до тех пор, пока тебе не станет лучше и ты полностью выздоровеешь. Подумай, что новость о твоей болезни сделает с нашей семьей. Моя карьера будет уничтожена. Девочек станут ненавидеть и жестоко дразнить. У нас ничего не останется, ведь ты уже лишила нас многого.

Надеюсь, ты не возненавидишь меня за то, что я сейчас скажу, но я воспринимаю твою болезнь как дар. И я умоляю тебя не растрачивать его впустую. Женищина, которую я встретил много лет назад, сияла изнутри так же сильно, как и снаружи. В ней были страсть и мужество. Она заботилась о людях и вещах, выходящих за рамки ее собственных страданий. Вот, наконец, трудность, которую ты не сможешь

заглушить выпивкой. И, возможно, в этой борьбе тебе удастся снова найти ту женщину.

Твой муж,

Чарли

Мириэль ошеломленно уставилась на письмо. Бумага была из канцелярских принадлежностей Чарли, почерк безошибочно принадлежал ему, но слова... Конечно, он не мог такое написать. *Эгоистичная, равнодушная* – какой мужчина скажет подобное своей жене, несправедливо запертой и страдающей от ужасного недуга? И что он имел в виду, говоря: ты *была* замечательной матерью? Что она больше ею не была?!

Она начала комкать письмо, прежде чем поняла, что в нем есть и вторая страница. Разгладила листочек и обнаружила, что это рисунок. Несколько фигурок из палочек, стоящих под раскрашенным карандашом голубым небом и продолговатым желтым солнцем. Мириэль расправила загнутые края и провела пальцем по нарисованным фигурам. Легко узнала Чарли по квадратной шляпе и галстуку-бабочке в горошек. И саму Эви. Дочь нарисовала себя с длинными косами и в плиссированной юбке. Рядом стояла Мириэль, держа на руках малышку Хелен. У всех четверых были широкие U-образные улыбки.

Мириэль не удержалась от улыбки. С ветвей наверху раздалась птичья трель. Белая бабочка порхала неподалеку над цветами клевера. Чарли ошибался. Последние полтора года

после смерти Феликса она не была такой ужасной, какой он описал ее в своем письме. Может быть, не идеальная жена, но, безусловно, все еще хорошая мать.

Ее взгляд переместился с бабочки обратно на рисунок Эви. Пятая фигура стояла на некотором расстоянии от остальных. Женщина. Горничная? Кухарка? Мириэль прищелкнула к ней внимательнее. Та держала что-то похожее на бокал для коктейля. Ее короткая прическа гораздо больше соответствовала осветленному перекистью бобу Мириэль, чем длинным темным волосам женщины, державшей Хелен. Улыбка сползла с ее лица, и она нахмурилась.

Мириэль перепутала себя с няней. На рисунке именно она оказалась обособленной фигурой.

Сторож Дойл крикнул со ступенек тюрьмы, что прогулка закончилась. Мириэль проигнорировала его. Птичье пение, которое всего несколько мгновений назад звучало так мило, теперь царапало ей уши. С глазами полными слез она сунула письмо обратно в конверт, затем аккуратно сложила рисунок и убрала все это в карман.

Глава 12

Мириэль лежала в постели, подбрасывая смятое письмо Чарли вверх и ловя его, как бейсбольный мяч. Бледный свет проникал через крошечное окошко, небо заволокли серые облака. Возможно, уже полдень. Или уже близится вечер. Она не знала, и ей было все равно.

Она потеряла счет тому, как долго сидит в этой темной комнате. Письмо Чарли пришло через три недели после ее тюремного заключения, но сколько дней прошло с тех пор? Два дня? Неделя? Она подбросила комок бумаги вверх, смахнув его, когда он начал падать. Однако промахнулась, и комок угодил ей в нос.

Это не было больно. Казалось, больше ничего не болело. Ни ее сломанная рука. Ни ее напряженная спина. Ни ее когда-то раскалывающаяся голова. Болело все внутри, словно кто-то вывернул ее наизнанку и протер губкой для мытья посуды.

Письмо покатилося и остановилось рядом на бугристом матрасе. Она подняла его и сложила обратно в прямоугольник, прижав к твердой поверхности гипса, чтобы разгладить морщины. Бумага теперь истончилась оттого, что ее столько раз скатывали и распрямляли. Чернила тоже были размазаны. Но это не имело значения. Она запомнила почти каждую строчку. Размытые буквы были всего лишь метки, путь, по

которому нужно было следовать взглядом, пока голос Чарли звучал в ее голове, будто это вовсе не письмо, а запись на фонографе. Иногда его голос звучал жалобно. Иногда зло. Но слова никогда не менялись.

Он не мог простить ей смерть Феликса. И как она может осуждать его? То была ее вина. Но остальные обвинения, которые он так бесчувственно обрушил на нее – эгоистичная, равнодушная, несостоятельная, – она не могла принять.

Ее рука снова сжала лист бумаги, скомкав ее. Ему следовало сказать все это раньше, когда у нее была возможность отреагировать. Трус.

Она подбросила бумажный шарик так высоко, что он ударился о потолок. Посыпались осколки пожелтевшей штукатурки. На этот раз она поймала его и подбросила обратно в воздух как раз в тот момент, когда открылась входная дверь тюрьмы. Мириэль хорошо знала лязг ее петель. Письмо Чарли упало на кровать и скатилось на пол. Она не потрудилась забрать его.

Может быть, уже время ужинать? Ее обед стоял нетронутым на маленьком столике у стены. Единственное, что она взяла с подноса, были капсулы чаульмугры. Те, которые она бросила в угол в надежде отравить своего сокамерника. Но у мыши, похоже, было больше здравого смысла, чем у здешних пациентов, потому что она не притронулась ни к одной таблетке.

По половицам послышались отрывистые шаги, и грубова-

тый голос спросил:

– В какой камере сидит беглец?

Мириэль услышала скрип ножек стула, когда сторож Дойл поднялся со своего места. Он кашлянул и прочистил горло.

– А-а, э-э, доктор Росс. Добрый день.

Никакого ответа от доктора.

Сторож снова откашлялся.

– Ах, точно. Беглец. Третья камера.

Мириэль встала. Ее когда-то коротко подстриженные волосы отросли до непослушной длины и беспорядочно свисали вокруг лица. С рукой, закованной в гипс, она едва ли могла вымыть их шампунем, не говоря уже о том, чтобы завить или уложить. Ее челка – слишком короткая, чтобы можно было заправить за уши – запуталась в ресницах. Даже будучи в самом мрачном настроении в Калифорнии, она бы никогда не позволила себе выйти из дома или встретиться с незнакомцем в таком жалком виде. Теперь она даже не потрудилась открыть свою пудреницу. Кем бы ни был этот доктор Росс, она могла поговорить с ним и не напудрив нос.

Дверь ее камеры открылась. Поток света временно ослепил ее, и она прикрыла глаза загипсованной рукой. Вошел невысокий мужчина, плотного телосложения.

– Миссис Марвин, я доктор Росс, главный врач Морского госпиталя Шестьдесят Шесть.

Сторож Дойл стоял у дверного косяка, пока доктор Росс не отпустил его кивком. Обращаясь к Мириэль, он сказал:

– Можем мы поговорить минутку?

– У меня есть выбор?

Он снял свою белую офицерскую фуражку и сунул ее под мышку. Четыре золотые нашивки украшали его погоны.

– Нет, мэм.

Она снова опустилась на кровать и указала на стул с соломённой спинкой в другом конце комнаты, заваленный потрепанными журналами и обертками от конфет. Доктор не стал садиться. Он оглядел ее камеру – нетронутый поднос с обедом, россыпь капсул с чаульмугррой в углу, смятое одеяло, на котором она сидела, – и нахмурился.

– Миссис Марвин, позвольте мне сразу перейти к делу.

– Конечно, разумеется. Между приемами пищи и двадцатиминутной послеобеденной тренировкой мой график общения довольно насыщен.

Его тонкие губы сжались еще сильнее.

– Вы пробыли в этом учреждении меньше месяца и уже нарушили пункт номер шесть больничных правил и предписаний, попытавшись скрыться. Как вы уже поняли, мы не можем закрыть глаза на подобное поведение. Сестра Верена сказала мне, что вы держитесь отчужденно по отношению к другим обитателям колонии и не соблюдаете предписанный вам режим лечения. Кроме того...

Он продолжал бубнить, но Мириэль не слушала. Вместо этого она наблюдала за тем, как его аккуратно подстриженные усы дергались, словно червячки, пока он говорил. Его

черная униформа была безупречно отглажена, золотые пуговицы отполированы, ни пылинки, ни ниточки. Она пожалела его жену, за муки, которые той приходилось испытывать каждое утро, прежде чем отправить мужа на службу.

Чарли тоже был привередлив в одежде, но к их услугам была прачечная. Одежда, брошенная на полу, исчезала к середине утра, а на следующий день, аккуратно выглаженная, висела в шкафу. Хотя сейчас она с радостью заняла бы место горничной, если бы это означало жить дома. Она представила запах крема для бритья, прилипший к воротнику рубашки Чарли, пятно от карандаша на манжетах Эви, стертое с одного из ее рисунков. Желудок Мириэль скрутило, словно она могла заболеть от тоски.

– Миссис Марвин.

– М-м?

Доктор Росс снова нахмурился и бросил кислый взгляд на стул, затем подтащил его к кровати и отряхнул сиденье, прежде чем сесть. Журналы и липкие обертки от конфет рассыпались по полу.

– Миссис Марвин, я знаю, что диагноз такой болезни, как проказа, может стать разрушительным, но...

– О, вы знаете, правда?! И каково это? Вас оторвали от семьи и заперли в какой-то захолустной больнице посреди ада?

– Я работал в колониях для прокаженных по всему миру, и уверяю вас, Морской госпиталь Шестьдесят Шесть – самое

современное и безупречное учреждение из всех существующих. Будьте благодарны, что вас не выбросили за борт и не заставили плыть на пустынный остров Молокаи²⁰ или не потащили в трущобы в Индии или Южной Африке.

Мириэль выпрямилась.

– Благодарна?! Я заключена в тюрьму, – она указала на цементные стены вокруг них, – буквально заключена в тюрьму с самыми гротескными и жалкими человеческими существами, которых я когда-либо видела! Брошена умирать. Мои дочери, кто знает, за сколько сотен миль отсюда, остались без матери. Мой муж...

– Вы не сможете убежать от этой болезни. – Упрек в его тоне исчез, но этих слов было достаточно, чтобы она онемела. – Я видел достаточно людей в вашем положении, чтобы понимать, что вы снова подумываете о побеге. Может быть, вы уже спланировали его. – Он взглянул на объемную гипсовую повязку на ее руке и слегка ухмыльнулся. – Кто знает, может быть, на этот раз у вас все получится. На время. Но болезнь в конце концов настигнет вас. И когда это произойдет, вы пожалеете, что не остались здесь.

Теперь настала очередь Мириэль ухмыляться.

– Я бы никогда не пожелала оказаться здесь. Даже за все золото и бриллианты мира.

²⁰ Пятый по величине остров Гавайского архипелага. В 1866 году, в связи с широким распространением проказы на Гавайских островах, на острове Молокаи была открыта колония прокаженных.

Его глубоко посаженные глаза метнулись к столу, где стоял рисунок Эви, прислоненный к стене.

– А ваша семья?

Что могла на это сказать Мириэль? Она ненавидела доктора Росса за то, что он втянул в разговор Чарли, Эви, Хелен, но он был прав. И Чарли тоже был прав. После смерти Феликса она отдалилась от него. Стала эгоистичной. Но она могла бы стать такой же женой и матерью, какой была раньше, если бы ей дали шанс. Ей просто нужно выбраться отсюда, чтобы доказать это.

– Вам повезло, миссис Марвин. Ваша болезнь обнаружена на ранней стадии. При надлежащем уходе, правильном питании, здоровой активности и соблюдении вашего плана лечения вы вполне можете остановить ее до того, как вас тоже причислят к числу гротескных и жалких.

– Значит, я должна просто сидеть и надеяться, что когда-нибудь у меня случится двенадцать отрицательных кожных тестов?

– Надеяться – да. Сидеть сложа руки – нет.

Мириэль закатила глаза. Он говорил точь-в-точь как этот альтруистичный дурак Фрэнк.

– Почему бы вам не устроиться на работу в колонии?

– Спасибо, но на самом деле я не из тех девушек, которые работают.

Он встал и расправил куртку, пока ткань не стала гладкой.

– В Карвилле есть два типа пациентов: те, кто причисля-

ют себя к мертвым, и те, у кого хватает мужества заявить о своем месте среди живых. Выбор за вами.

Мириэль смотрела, как он направился к двери. Опять это слово – «мужество». Обладала ли она когда-нибудь таким качеством? И как, черт возьми, она может собраться с духом сейчас, в таком месте, как это?

– Но лекарство?..

Доктор Росс остановился в дверях камеры и обернулся.

– Его не существует.

Лечения нет. Сестра Верена и ее соседи по дому говорили то же самое. Масло чаульмугры помогало справиться с болезнью, но не избавляло от нее. Однако каждый раз, задавая этот вопрос, Мириэль надеялась услышать другой ответ. Каждый раз ей удавалось убедить себя не верить в мрачную правду. Как тогда, когда доктор констатировал смерть Феликса. В течение нескольких дней ее разум отвергал эту мысль. Сын не умер, он просто спал. Завтра он снова будет скакать галопом по дому. Она не верила, пока они не закрыли крышку его гроба и не опустили его в землю. Пока она не услышала шлепок земли по дереву. Он все еще возвращался к ней – этот звук – во сне, а иногда даже в часы бодрствования. *Шлеп. Шлеп. Шлеп.*

Она прижала прохладный гипс к животу и крепко обхватила его другой рукой. Никакого лечения. Никаких шансов загладить свою вину.

– Во всяком случае, в настоящее время, – добавил доктор

Росс.

Мириэль подняла глаза.

– Вы думаете, что его возможно найти?

– Это не старинный лепрозорий, миссис Марвин, каким бы провинциальным он вам ни казался. Я здесь не из какого-то чрезмерно выраженного чувства милосердия. Я ученый. Я верю, что мы сможем победить эту болезнь.

– Как?

– Мы постоянно экспериментируем с новыми методами лечения. Мы находим новые способы изучения бациллы. Если лекарство существует, то это именно то место, где его смогут обнаружить.

– Вы действительно в это верите?

– Если бы я не верил, меня бы здесь не было.

Мириэль взглянула на рисунок Эви, затем снова на доктора Росса.

– Я хочу помочь в этом.

30 марта 1926 года

Дорогой Чарли,

Я знаю, что ты на самом деле не имел в виду те ужасные вещи, которые написал в своем письме. В последнее время я сама не своя, это правда. Но скорбящая мать имеет право быть немного грустной. Ты говоришь так, будто я была на взводе с утра до ночи и ни на йоту не заботилась о вас. Да, я время от времени выпивала. Было легче встретить день, полный джина или шампанского. Но это не значит, что

ты был мне безразличен. К тому же, в Карвилле нет алкоголя, так что тебе больше не нужно беспокоиться на этот счет.

И вряд ли было справедливо с твоей стороны утверждать, что я никогда не боролась. После смерти Феликса каждый мой день был борьбой. Тебе повезло: у тебя есть твоя работа. У меня не было никакой отдушины.

Однако тебе будет приятно узнать, что сейчас я работаю. Самая большая ишишка в Карвилле пришел ко мне и предложил помогать борьбе с этой болезнью, которая, кстати, не так ужасно заразна, как пытался внушить тебе мистер Нибло и его короткий фильм. Конечно, я согласилась и с этого момента буду стараться вместе с врачами и медсестрами найти лекарство. Ты можешь себе представить, насколько это важная работа.

Меня заверили, что моя болезнь протекает в очень легкой форме и я вернусь домой через год, если все мои анализы окажутся отрицательными. Или даже раньше, если мы найдем лекарство. И тогда ты увидишь, что я та самая женщина, в которую ты влюбился и на которой женился.

*Твоя жена,
Мириэль*

P.S. Что ты придумал, чтобы объяснить девочкам мое отсутствие? Я полагаю, это многих интересует. Лучшие всего говорить что-то простое. Скажем, я

уехала на восток, чтобы ухаживать за больной родственницей – двоюродной бабушкой в Чикаго, или нечто подобное. Ты должен каждый день говорить девочкам, что я люблю их и что я постоянно думаю о них. По крайней мере, это правда.

Глава 13

Мириэль стояла в дверях перевязочной клиники, не в силах переступить порог. Когда доктор Росс сказал, что у него есть прекрасная идея, как она может помочь, она представила себе совсем не это. Запах мази и гниющей плоти уже угрожал испортить ее завтрак. Но слова в письме Чарли – *Ты никогда ни к чему в своей жизни не стремилась* – подтолкнули ее внутрь.

Она избегала удивленных взглядов пациентов. Некоторые сидели на низких табуретках, погрузив ноги в тазы с водой. Другие – на стульях, разбросанных по комнате, пока сестры перевязывали их ободранные и изъязвленные конечности.

– Вы опоздали, – заметила сестра Верена, подходя к ней.

Мириэль подавила гримасу. Она не рассчитывала видеть рядом эту женщину, когда предлагала помощь в поисках лекарства.

– Я сомневалась, что мне надеть.

Сестра Верена смерила взглядом дневное платье Мириэль из атласного крепа так, словно это был балахон из мешковины.

– И правильно делали.

– Так не пойдет? Я думала, что королевский синий в самый раз. Это серьезный цвет, к тому же, подходит цвету моего лица. Я просто не могу носить темно-желтые или лаван-

довые оттенки со слишком большим количеством розового. Они так размывают мои щеки, что даже румяна не могут меня спасти.

– Вам нужно будет носить униформу. Обратитесь на склад и скажите им, что будете помогать в клиниках. – Она снова окинула наряд Мириэль испепеляющим взглядом. – Они предоставят более подходящую одежду.

Униформа? Униформа предназначалась для горничных, официанток и дворников. Но Мириэль решила, что лучше не спорить, и отправилась на поиски склада. После нескольких неверных поворотов она обнаружила его зажатым между прачечной и установкой водоочистки. Когда она объяснила, зачем пришла, мужчина порывлся в нескольких стеллажах с ужасно устаревшей одеждой, прежде чем передать ей стопку грубых белых блузок и юбок.

– Это и есть униформа?

Мужчина кивнул.

– Но разве кто-нибудь не должен сначала снять с меня мерки?

– Это одежда фабричного производства, мэм. Никаких измерений не требуется. Они делают три вида размеров: для миниатюрных, стандартных и толстых.

Лицо Мириэль сморщилось.

– И что же вы дали мне?

– У меня наметанный глаз на женские размеры. – Он подмигнул. – Вы стандартная.

Мириэль нахмурилась.

– Действительно стандартная.

Вернувшись в свою комнату, она переделалась из атласного платья в хлопчатобумажную униформу. Юбка свисала до лодыжек, а бесформенная блузка была жесткой. Рукава оказались слишком короткими, а воротник грубым. Узкая манжета не застегивалась на ее гипсовой повязке. Как бы туго она ни затягивала пояс, юбка болталась на бедрах, как колокол. Один взгляд в мутное зеркало в ванной, и Мириэль съежилась. Даже ее бабушка – когда была жива – одевалась более элегантно. Но ради возможности снова увидеть Чарли и дочерей Мириэль надела бы все, что угодно.

На обратном пути в перевязочную она прошла мимо группы мужчин, сидевших там, где дорожка примыкала к крыльцу двенадцатого дома. Айрин презрительно называла их: Бригада кресел-качалок. И предупредила Мириэль об их вечно кислом настрое и склонности к сплетням.

– Ты подумываешь о том, чтобы принять обет и стать монахиней? – спросил один из мужчин, когда она проходила мимо. Кое-кто хихикнул.

– Все, что тебе нужно, – это одна из этих дурацких шляп, – подхватил другой.

– Не то чтобы это тебя касалось, – ответила Мириэль. – Но я устроилась на работу в больницу. И собираюсь помочь найти лекарство от этой ужасной болезни.

– Вот как?! – картинно удивился первый мужчина. – Ну,

слава Богу, ты здесь! Не похоже, чтобы они искали лекарство последние полвека.

Мириэль вздернула подбородок и продолжила путь.

– Осторожно, не сломай сейчас ноготь.

– И не размажь свой миленький макияж.

– И смотри, не подхвати заразу.

Мириэль совершила ошибку, оглянувшись назад. Мужчина, который говорил последним, был покрыт грубыми бугристыми узелками от линии волос до воротника.

– Иначе проснешься с таким же лицом, как у меня.

В том, как он говорил, было что-то насмешливое, и несколько его собеседников засмеялись, но в его темных пустых глазах не было веселья. Мириэль невольно замедлила шаг. Возможно ли, что ее собственная болезнь обострится, если она станет ухаживать за теми, чье состояние гораздо тяжелее?

– Так-то лучше, – кивнула сестра Верена, когда Мириэль вернулась. – Доктор Росс объяснил, в чем будет заключаться ваша роль и обязанности?

Мириэль покачала головой.

– Я так и думала.

– Я сказала ему, что хочу помочь найти лекарство, и он ответил, что найдет мне должность, где я смогу это сделать.

Сестра Верена поджала губы.

– Доктор Росс управляет колонией, но его роль больше...

административная. Как сестра служительница²¹ и старшая медсестра, я отвечаю за повседневную работу лазаретов и клиник. – Она сделала паузу, выжидая, пока Мириэль коротко не кивнула.

– Вы будете отчитываться передо мной или, в мое отсутствие, перед сестрой Лореттой.

Просто здорово, подумала Мириэль. Она снова покивала головой, чтобы сестра Верена продолжала.

– По вторникам вы будете работать здесь, в перевязочной клинике. По понедельникам и средам в женском лазарете. По пятницам в аптеке и каждый второй четверг в клинике инъекций. – Говоря это, она ходила по комнате, и Мириэль следовала за ней. – Вам будут поручать простые вещи. Промывание и перевязка ран, скатывание бинтов, подготовка принадлежностей для дезинфекции, помощь лежачим пациентам: они вызывают нас, звоня в колокольчик, помощь в смене белья...

Мириэль остановилась, и сестра Верена резко обернулась.

– Что-то не так?

– Как все это может помочь найти лекарство?

– У вас есть высшее образование по химии?

– Нет.

– Биология, фармакология, медицина?

Мириэль посмотрела вниз. Ее туфли блестели от свежей

²¹ Название монахинь конгрегации «Сестры служительницы Иисуса в Евхаристии».

полировки, которую она нанесла на них прошлой ночью, представляя себя в окружении стеклянных трубок и мензурок, как на фотографиях Марии Кюри, которые она видела в *Vanity Fair*²².

– Нет.

– Есть ли у вас какие-либо навыки, связанные с медициной?

– Я ухаживала за своими детьми, когда они болели. – Она подняла глаза и встретила взглядом с сестрой Вереной, изо всех сил стараясь выглядеть уверенной.

– Тогда вы должны очень хорошо справляться с заданиями, которые я вам изложила. – Она указала на двух мужчин, которые отмачивали ноги. – Высушите их ноги, чтобы сестра Лоретта могла перевязать им раны, а затем приготовьте свежую воду для следующих пациентов.

Мириэль вздохнула и схватила стопку полотенец из ближайшего шкафа для белья. Сестра Верена считала ее бесполезной, неспособной даже на черную работу. Совсем как люди из Бригады Кресел-качалок. Совсем как Чарли. Что ж, она докажет, что все они ошибаются.

Она подошла к одному из мужчин, но остановилась в нерешительности, не в силах заставить себя наклониться к нему. У него не хватало нескольких пальцев на ступнях, а ноги покрывали открытые язвы. Это то, что люди перед две-

²² Американский журнал, посвященный политике, моде и другим аспектам массовой культуры. Издается с 1913 года.

надцатым домом имели в виду под заразой. Ядовитые микробы, вызвавшие болезнь. Она живо представила их себе в виде крошечных медуз, плавающих в воде и цепляющихся своими щупальцами за кожу мужчины. В ту минуту, когда она прикоснется к нему, они зацепятся и за нее, усиливая болезнь, которая уже сидела внутри нее.

Мужчина смотрел выжидающе. Мириэль перевела взгляд с его лица на его изуродованные ноги и покачала головой. Для нее должна была быть какая-то другая должность. Выполняя такую работу, она никогда не доберется до двенадцати отрицательных тестов и не выживет, пока они ищут лекарство. Но прежде чем она встала, чтобы ускользнуть, мягкая мясистая рука хлопнула ее по плечу.

– Позволь мне показать тебе, как это делается, дорогуша. – Сестра Лоретта присела на корточки рядом с ней с впечатляющей легкостью для такой древней особы. Она улыбнулась Мириэль и взяла полотенце. – Ну что, Ронни, поехали. – Женщина развернула полотенце, и мужчина поднял ногу. – После замачивания кожа особенно хрупкая, так что промой, но не три. И не забывай высушивать между пальцами.

Нежными, осторожными движениями сестра Лоретта вытерла одну ногу пациента, затем другую. Улыбка на ее лице ни разу не дрогнула.

– Многие больные страдают от поражения нервов и больше ничего не чувствуют, поэтому лучше всего легкие прикосновения. И когда набираешь свежую воду, убедись, что

она не слишком горячая, иначе можно вызвать ожог.

Мириэль кивнула, вспомнив свой собственный инцидент с горячей плойкой.

Когда сестра Лоретта закончила протирать то, что осталось от пальцев ног пациента, она перекинула полотенце через руку и отодвинула таз в сторону, чтобы мужчина мог опустить ступни. Зловонная жидкость молочного цвета выплеснулась через край. Мириэль уронила полотенца, которые держала в руках, и, не вставая, попятилась, ударившись гипсом о твердый пол. Боль пронзила ее руку.

Сестра Лоретта вытерла пролитую воду, как ни в чем не бывало.

– Вы не боитесь? – спросила Мириэль. – Подхватить зар... болезнь?

– Я приехала в Карвилл еще в 1904 году. – Она взглянула на Мириэль с безмятежным выражением лица. – Ты, наверное, тогда была совсем маленькой девочкой. Сестры милосердия уже десять лет находились здесь, ухаживая за пациентами. Ни разу за все эти годы никто из персонала не заразился этой болезнью.

– Правда?

– Мы моем руки и делаем все возможное, чтобы содержать здесь все в чистоте. Это не очень выносливый микроб. Не слишком заразен.

– Значит, мне не нужно беспокоиться о том, что эта работа ухудшит мое собственное состояние?

Сестра Лоретта встала.

– Немного осторожности, и с тобой все будет в порядке, дорогуша.

Мириэль кивнула и собрала полотенца, которые отбросила в сторону. Она взглянула на таз с водой, пытаясь выбросить из головы всех этих крошечных микробов, похожих на медуз, плавающих внутри. В конце концов, сколько раз она плескалась в океане и оставалась не ужаленной? Она сунула полотенца под мышку и подняла таз, прижимая его к гипсу. Она сможет это делать. Немного осторожности, и с ней все будет в порядке. Медленно шагая к хопперу, она мысленно повторяла слова сестры Лоретты.

Она вздрогнула от всплеска воды, когда перевернула таз над хоппером, но внутри нее расцвело странное удовлетворение, пока она наблюдала, как вода стекает в канализацию, а вместе с ней и все эти крошечные микробы.

Глава 14

Всю вторую половину следующего дня Мириэль провела в женском лазарете, бегая от кровати к кровати. Не успевала она наполнить стакан водой или взбить подушку, как раздавался колокольчик другого пациента. Все было вдвойне сложнее, поскольку ее рука пока еще оставалась в гипсе. Когда она вернулась в свою комнату, ее ноги болели, и она проигнорировала бы ужин, если бы Айрин не ворвалась к ней и не потащила ее в столовую.

Наутро, застегивая пуговицы своей чудовищной униформы, Мириэль мучилась сомнениями. Как то, что она носит кому-то дополнительные одеяла или опорожняет судна, может приблизить ее к дому?

Когда она прибыла на свою смену в небольшое здание, состоящее из единственной комнаты для рентгена, вдоль дорожки снаружи уже выстроилась длинная очередь. Дважды в неделю здесь делали инъекции. Ее соседи, стоящие в ожидании, выглядели смиренно, если не сказать настороженно. Мириэль одернула свой плохо сидящий воротник, проскользнула мимо и вошла внутрь.

Громоздкое рентгеновское оборудование было отодвинуто к стенам, чтобы освободить место для ширмы, за которой на табурете сидел Док Джек, и небольшого столика, заваленного медицинскими принадлежностями. Сестра Вере-

на осматривала набор игл, каждая размером с нож для колки льда. Закончив проверку, она протянула Мириэль журнал для записей.

– Здесь указана предписанная каждому пациенту доза масла чаульмугры. Называйте ее, когда они входят, и я приготовлю шприц. Вы также должны следить, чтобы на столе всегда были нужные медикаменты и отправлять иглы в бойлер для стерилизации. Как думаете, сможете с этим справиться?

Мириэль схватила журнал и закатила глаза. Конечно, она способна справиться с этим.

Вошел первый пациент и назвал свое имя. Балансируя корешком журнала на своей загипсованной руке, она зашуршала страницами, пока не нашла его в списке.

– Восемь кубиков.

Мужчина прошаркал за ширму и расстегнул свои штаны, пока сестра Верена набирала лекарство в шприц. Ленивый пузырек воздуха поплыл вверх сквозь масло, когда она постучала по стеклу. Она передала шприц доку Джеку, который протер ягодицу мужчины бетадином, затем воткнул иглу. Наблюдая, как опускается поршень, Мириэль почувствовала приступ тошноты. Когда врач вынул иглу, из места инъекции потекла вязкая смесь крови и масла.

Пока док Джек протирает кожу пациента квадратиком ватного тампона, Мириэль расстегнула воротник и обмахнулась журналом, чтобы ее не вывернуло. Врач наклеил еще один

квадрат поверх места инъекции и сказал:

– Все готово.

В ту же минуту сестра Верена произнесла:

– Следующий.

Мириэль вернулась к списку пациентов. Вошедший мужчина пробурчал свое имя, и она принялась листать страницы, ее желудок все еще крутило. Вскоре она едва успевала это делать, пытаясь не отставать от имен и доз, не говоря уже об уменьшающемся запасе ватных тампонов и куче липких игл, нуждающихся в стерилизации. Утро прошло как в тумане, но тошнить ее перестало. Она суежилась между столом, где стоял бойлер, и очередью ожидающих пациентов, жонглируя открытым журналом в одной руке и свежими медикаментами в другой.

Звонок на обед принес лишь короткую передышку. Вскоре пациенты снова выстроились в цепочку. Большинство, казалось, точно помнили, где они стояли прежде, и встали в очередь без суеты и толкотни. Но Жанна, девочка, которая жила с Мириэль в восемнадцатом доме, протиснулась ближе ко входу. Несколько взрослых позади нее возмутились и заворчали.

– Пигалица, – рявкнул один.

– Вернись в конец очереди, или я потащу тебя туда за ухо, – добавил другой.

– Эй! – крикнула Мириэль, откладывая журнал и направляясь в сторону возмущающихся. – Оставьте ее в покое!

После инцидента с головастиком она держалась на расстоянии от девочки, хотя и подозревала, что карандашные каракули, которые таинственным образом появились на ее гипсе, когда она проснулась этим утром, и клубок червей между ее простынями две ночи назад были делом рук Жанны. Однако это не означало, что другие пациенты имели какое-то право запугивать ее. В конце концов, она всего-навсего ребенок. Лишь на несколько лет старше Эви.

– Никому не разрешается влезать без очереди, – пробурчал парень с ручищами, как у Джека Демпси²³. Его красное, изуродованное болезнью лицо делало его еще более похожим на человека, только что отстоявшего на ринге двенадцать раундов.

– Это не значит, что ты можешь обзывать ее.

– Я могу делать все, что мне, черт возьми, заблагорассудится.

Еще один мужчина шагнул в сторону от очереди.

– Что, Дин? Спешешь, чтобы тебе сегодня побыстрее надрали задницу?

Мириэль узнала его – сначала по грубым, бесформенным рукам, затем по ярким голубым глазам. Это был Фрэнк, гид, на которого она накричала в свой первый день в Карвилле. Он махнул в сторону Жанны своей когтистой рукой.

– В любом случае, я обещал, что застолблю для нее место.

²³ Американский профессиональный боксер, киноактер, чемпион мира в супертяжелом весе.

Жанна подскочила к нему, улыбка, милая, хотя и слегка зловещая, растянулась на ее лице. Дин нахмурился, но прекратил ворчать, и Мириэль вернулась к утомительному списку.

– Вижу, ты нашла способ не стоять в очереди, – проговорил Фрэнк, когда они с Жанной несколько минут спустя оказались у входа. – Тебе идет эта форма.

Мириэль не ответила на его улыбку.

– Никому не идет матово-белый.

Он усмехнулся.

– Ты так же хорошо умеешь принимать комплименты, как и сбегать.

Игнорируя его пристальный взгляд, она положила журнал на сгиб загипсованной руки и пролистала его, чтобы найти их имена. Она назвала дозу Жанны сестре Верене и уже искала имя Фрэнка, когда ее внимание привлекло какое-то движение. Прежде чем она поняла, что происходит, кусочки ваты поплыли в воздухе. Они собрались вместе в маленькое облачко, взлетая с руки девочки, а затем рассеялись, порхая вниз, как огромные квадратные снежинки. Жанна хихикнула. Она пронеслась мимо ширмы и выскочила за дверь. Белые квадратики приземлились повсюду – на рентгеновское оборудование, на пол, на голову дока Джека.

– Кхм, – промычала сестра Верена, откладывая шприц и смахивая их с плеч и заостренных крыльев шляпы.

Мириэль наклонилась и начала собирать вату с пола. Фр-

энк присел на корточки рядом с ней.

– Я никогда в жизни не встречала более отвратительного ребенка, – пробормотала она. Ее дети никогда бы так себя не повели.

– Не суди ее слишком строго, – проговорил Фрэнк, помогая Мириэль убирать беспорядок. – Она здесь уже три года, и за все это время никаких вестей от ее семьи. Ни посетителей, ни писем. Отец высадил ее у главных ворот и, уходя, даже не оглянулся.

Мириэль посмотрела на него, затем снова на ватные квадратики, разбросанные по половицам. Вездесущая боль, которая не покидала ее из-за разлуки с дочерями, стала еще острее. Знали ли они, как сильно она старается вернуться к ним? Или они чувствуют себя такими же покинутыми и забытыми, как Жанна?

Глава 15

Снаружи аптека выглядела как один из домов для пациентов: длинное одноэтажное строение, примыкающее к дорожке. Но вместо кроватей, тумбочек и диванов в гостиной она была заставлена шкафами, весами и булькающим оборудованием.

Мириэль задержалась в дверях, наслаждаясь странными звуками и запахами. Именно такое место рисовало ее воображение, пока она находилась в тюрьме. Именно в таком месте они могут найти лекарство.

Она представилась старшей медсестре по имени Беатрис, и, как цыпленок, следовала за женщиной по пятам, пока та показывала Мириэль помещение. Миксер промышленного размера стоял на прилавке, взбивая мазь. Дезинфицирующее средство пузырилось в пароварке неподалеку. На скамье у противоположной стены стояли банки для фильтрации с бледно-желтой жидкостью. В задней части комнаты до потолка тянулись открытые полки, заставленные бутылочками с лекарствами.

– Над чем мы сегодня работаем? – спросила Мириэль. – Что-то новенькое?

– Почему бы и нет. Присаживайтесь, а я принесу все необходимое.

Мириэль схватила табурет и села за большой стол с мра-

морной столешницей в центре комнаты. Если бы *Vanity Fair* брали у Мириэль интервью о том, как она, скромная пациентка, нашла лекарство от проказы, именно такую фотографию они разместили бы на обложке. Она сидела там же, где и сейчас, повернувшись к камере, держа мензурку и улыбаясь. Как бы Чарли гордился ею тогда!

Униформу, конечно, придется снять. Ей понадобится стрижка и, возможно, перманент. Будет нетрудно убедить косметолога посетить колонию, как только все излечатся.

В тот момент, когда сестра Беатрис подошла к столу со стопкой железных подносов, появилась Айрин, которая тоже работала в аптеке.

– Извините, я опоздала, – запыхалась она. – Мне нужно было уладить небольшой конфликт в доме.

Пенни против доллара, что это было связано с какой-то шуткой, которую Жанна сыграла с кем-то из соседей по дому. По крайней мере, Мириэль была не единственной, кого терроризировала девочка. Она вспомнила вчерашний рассказ Фрэнка об отце девочки. Каким бы жестоким ни было письмо Чарли, он, по крайней мере, не забыл ее.

Айрин уселась за стол рядом. Белая хлопчатобумажная униформа смотрелась на ней хуже, чем на Мириэль. Ткань натянулась на ее широких бедрах и морщила, а пуговицы на груди угрожали вот-вот расстегнуться. Вот вам и одежда фабричного производства, большие размеры и тому подобное.

Сестра Беатрис переключила внимание Мириэль на железные подносы. Каждый из них был выложен неглубокими отверстиями. Формы для капсул, объяснила она. Затем принесла электроплитку и поставила на нее кастрюлю с желатином. Как только он таял, женщины должны были заливать каждую форму горячей жидкостью.

Работа оказалась гораздо менее эффективной, чем представлялось Мириэль. Не раз она обжигала пальцы расплавленным желатином, не сразу осознавая, что сделала это, пока не обнаруживала, что ее кожа покраснела и покрылась волдырями. Ее громоздкий гипс постоянно мешал. Айрин не ошпарилась ни разу. Она безостановочно болтала в процессе, почти не глядя на формы, и все равно получала более ровное покрытие, чем Мириэль.

Айрин рассказывала истории о своей жизни. «Я помню, как однажды, когда...» или «В мои молодые годы...». Между повествованиями не было четкой хронологии или связи, и Мириэль было трудно поспевать за ходом ее мыслей. Иногда Айрин останавливалась на середине рассказа и поворачивала в совершенно новом направлении. В других случаях она делала паузу на середине предложения, стучала по гипсу Мириэль и говорила: «Осторожно, детка! Берегись этих капель!», и Мириэль, посмотрев вниз, обнаруживала новый ожог.

К тому времени, когда они покончили со всеми подносами, Мириэль уловила достаточно фрагментов из рассказов

Айрин, чтобы собрать воедино ее историю. Она выросла на ферме где-то в восточной части Техаса. Рано вышла замуж. У нее был сын. Потеряла мужа на какой-то войне. Не на Великой войне²⁴. Куба? Филиппины? Мириэль не смогла разобратся. После его смерти Айрин с сыном переехала в город. Она снова вышла замуж. Развелась. За одного она вышла замуж по любви. За другого, «настоящего сукина сына», – из-за денег. Но Мириэль не была уверена, кто есть кто и в каком порядке это было. В конце концов, Айрин и ее сын вернулись в Восточный Техас, на этот раз со средствами, чтобы купить и обрабатывать собственную ферму. Это был «классный финал». До болезни.

Когда желатин остыл и затвердел, сестра Беатрис принесла большую банку масла чаульмугры. Запах протухшей рыбы, который Мириэль сразу узнала, распространился по комнате в ту же минуту, как она сняла крышку.

– Я думала, мы сегодня работаем над чем-то новым, – разочаровано протянула Мириэль.

Сестра Беатрис улыбнулась и продемонстрировала банку какао-порошка.

– Так и есть.

– Какао-порошок может быть ключом к борьбе с болезнью?

– О, я сомневаюсь в этом, – ответила женщина, – но оно может облегчить прием чаульмугры.

²⁴ Первая мировая война.

– И, надеюсь, поможет ей оставаться внутри, – пробормотала Айрин себе под нос.

Сестра Беатрис вручила Мириэль и Айрин по стеклянной пипетке. Она проинструктировала их, как наполнить капсулы маслом и класть сверху щепотку какао, прежде чем запечатать их каплей горячего желатина. Айрин сразу же принялась за работу, но Мириэль отложила пипетку и закрыла лицо руками.

– Что случилось, детка?

– Какао?! Какао! – Она стукнула гипсом о стол, пожалев об этом через мгновение, потому что острая боль пронзила ее руку. Банка с маслом чаульмугры зазвенела, пипетка покатилась к краю. Айрин поймала ее прежде, чем она успела упасть на пол и разбиться вдребезги. – Я думала, что сегодня мы будем делать что-то важное.

– Мы и делаем. Сколько раз тебя рвало таблетками от чаульмугры и твоим обедом вместе с ними? Черт возьми, половина жителей колонии предпочла бы смазывать волосы этой дрянью, чем глотать ее.

– Это все еще не лекарство. Ничто из того, что я делаю – ни здесь, ни в лазарете, ни в этой ужасной перевязочной клинике, – не способствует моему возвращению домой.

– Это не так.

Мириэль повернулась к Айрин лицом и здоровой рукой сжала ее ладонь.

– Мне нужно вернуться домой. Ты же мать. Ты понима-

ешь.

– Ты сдашь двенадцать отрицательных тестов и получишь досрочное освобождение.

– Я не могу ждать так долго. Это займет год, может быть, дольше. А некоторые люди никогда не добирают до двенадцати. Что, если я одна из них? Лекарство – единственная надежда.

– Все не так просто. И это не произойдет в одночасье. А пока то, что ты делаешь, достаточно важно.

Мириэль отпустила руку Айрин, взяла свою пипетку и погрузила ее в банку с маслом.

– Что за важность в наполнении капсул, смене постельного белья или отметке имен в журнале учета?

– Во-первых, если ты хоть в чем-то похожа на меня, а это так, ты сойдешь с ума, если не будешь чем-то занята.

Мириэль отсчитала десять капель и перешла к следующей капсуле. Айрин ошибалась. Они нисколько не похожи друг на друга. И дело не в том, что у Айрин отсутствует чувство стиля и не в ее жизнерадостном характере. Мириэль ничего не знала о том, что такое быть занятой, если не считать маджонг днем и танцевальную вечеринку вечером. И она, конечно, не понимала желания быть занятой. Последние четыре дня были самыми напряженными в ее жизни, и все, что она хотела сделать сегодня по окончании работы – это забраться в свою постель и проспять неделю. Занятость приводила к морщинам, преждевременной седине и нервному смеху.

– Может быть, я не создана для... работы.

Айрин резко обернулась.

– Ты хочешь сказать, что никогда не работала? Ни одного дня за всю свою жизнь?

– Во время войны я устраивала благотворительный обед для Красного Креста.

– Детка, это не считается работой. Я доила коров и собирала яйца из-под кур еще до того, как научилась ходить. После моего первого замужества я пять лет подряд подавала еду в закусочной в Далласе. Это определенно лучше, чем убирать сарай. Тем не менее, тамошние клиенты порой распускали руки.

– Ты была официанткой в закусочной?!

Айрин пожала плечами.

– Что из того? Девчонки хотят есть так же, как и парни. И мне нужно было заботиться о сыне. Ты хочешь сказать, что не надела бы униформу и не подавала бы мужикам завтрак, если бы только так смогла бы прокормить своих девочек?

– Конечно, я бы это сделала, – ответила Мириэль и дернула свой ужасно растянутый и колючий воротник. – Я ведь теперь ношу форму, так? Просто... я все еще не понимаю, как это помогает.

– Форма?

– Нет, все это. – Она махнула пипеткой, как указкой, в сторону нагроможденного перед ними какао-порошка, масла и желатина.

– Послушай, каждый должен найти свой собственный смысл в том, что он делает. Для одних людей это работа. Для других – это служение Богу. А некоторые просто пытаются выжить.

Мириэль уставилась на мраморную столешницу. Она напонила ей о туалетном столике дома. Завитки черного и серого сквозь сверкающий белый камень. Как она здесь оказалась? Чего бы она только не отдала за то, чтобы погрузить пальцы в пудру для лица, а не в какао, ощутить аромат любимых духов *eau de la violette* вместо тухлого масла чаульмугры.

Айрин легонько подтолкнула ее локтем.

– Я не говорю, что однажды ты не сможешь найти лекарство, которое освободит всех нас и вернет тебя домой. Но между этим моментом и тем, когда ты покажешь себя, пройдет чертовски много дней, детка, и не все они будут приятными. Лучше всего, если у тебя есть какая-то причина вставать утром, иначе в один из этих дней ты просто перестанешь о чем-либо беспокоиться. Они не зря называют это болезнью живых мертвецов.

Мириэль медленно кивнула, затем выпрямилась и снова окунула пипетку в масло.

– Я хочу доказать, что сестра Верена ошибается. И мой муж тоже. Они оба думают, что я ни на что не способна.

Айрин одарила ее заговорщической улыбкой.

– Это хорошее начало.

14 апреля 1926 года

Дорогой Чарли,

Как поживают Эви и Хелен? Пришли еще один рисунок Эви со своим следующим письмом, хорошо? И ты должен написать в тот момент, когда Хелен начнет ходить или произнесет свое первое слово. Мне грустно думать, что, когда я вернусь домой, она будет болтать и топать, а я пропущу все эти драгоценные первые мгновения. Ты научишь ее говорить «мама», правда?

Очень скучаю по всем вам, но ты будешь рад узнать, что я ужасно занята благодаря тому, что много работаю. Но работа занимает мои руки, в то время как вы занимаете мои мысли. В течение нескольких часов каждый день я нахожусь рядом с медсестрами и врачами, спасая жизни таких же пациентов. Все это очень важно и волнующе. Мне сказали, что я быстро учусь и привношу ощущение бодрости и стиля в это заброшенное заведение.

Чахотка и пневмония являются здесь более серьезными убийцами, чем сама болезнь, хотя она, безусловно, наносит свою долю вреда. Кстати, конечности у людей просто так не отваливаются. Это просто чушь собачья. Многие пациенты получают травмы рук и ног из-за повреждения нервов. Без тщательного ухода такие травмы могут загноиться и закончиться ампутацией пальцев на ногах, руках или даже всей ноги. Есть пациенты, которые страдают мышечной слабостью или порой даже слепнут. Но не волнуйся, я все еще в полном здравии. Ни одного нового

пятна или симптома с тех пор, как я приехала сюда.

Я могла бы долго писать обо всем, что делаю, но у меня просто нет времени. Обнимаю и целую девочек. Если кто-нибудь из наших друзей захочет написать, пока я буду ухаживать за своей больной тетей, пожалуйста, убедись, что сможешь это проконтролировать.

*Твоя жена,
Мириэль*

Глава 16

Мириэль стояла спиной к зеркалу и вытягивала шею, пытаясь разглядеть свое отражение. Стал ли очаг на ее плече темнее? Нет, это оказалась просто грязь на стекле. Однако пятно на ее пояснице было больше, чем на прошлой неделе, на полсантиметра. По крайней мере, с этого ракурса. Когда она посмотрела через противоположное плечо, оно показалось меньше.

Однако новое повреждение на ее шее нельзя было объяснить ни ракурсом, ни грязным зеркалом. Она заметила его в тюрьме, но винила в этом раздражении затхлое постельное белье и плохой воздух в камере. Затем, после того как ее освободили, она сочла, что причина в колючем воротнике униформы. Но теперь, по прошествии почти месяца, стало невозможно отрицать, что появилось новое поражение.

Она провела указательным пальцем по этому месту. Оно было едва ли больше десятицентовой монетки, но красное и шершавое на ощупь. Несколько нитей жемчуга или мехового палантина было бы достаточно, чтобы скрыть его. Немного пудры для лица тоже могло бы помочь. Но она не могла не думать снова о Бен-Гуре – испуганное лицо стражника, когда он обнаружил мать и сестру Бен-Гура в темнице, то, как толпа разбежалась при крике: «*Прокаженный!*»

«Ни звука, – прошептала его сестра, когда они увидели

спящего Бен-Гура. – *Он принадлежит живым, а мы – мертвым».*

Правда ли это? Неужели Мириэль просто обманывала себя надеждами на исцеление? Неужели она тоже принадлежала к мертвым? Это определенно было так, когда она оглядывала колонию. И не из-за изуродованных лиц и отсутствующих конечностей. Это было в глазах обитателей. Даже у тех, кто мог видеть, во взгляде была пустота.

Конечно, не у всех. Не у Фрэнка и не у Айрин. Даже у Жанны в глазах светился огонек, хотя и озорной. Хотя, возможно, они тоже были глупцами.

Мириэль завернулась в кимоно, туго затянув шелковые завязки на талии, и вернулась в свою комнату, чтобы переодеться для работы. Одно утешало в обязанности носить унылую униформу: это избавляло ее от необходимости перебирать платья, шляпы и туфли, чтобы создать подходящий ансамбль. Док Джек недавно снял с нее гипс. Ее кисть все еще болела, но, по крайней мере, теперь она могла застегнуть оба рукава.

Когда она прибыла в перевязочную клинику, несколько пациентов уже отмачивали ноги или скрипели зубами, пока сестры осматривали и бинтовали их раны.

– Принесите мне, пожалуйста, немного ихтиоловой мази, миссис Марвин, – попросила сестра Верена еще до того, как Мириэль успела повесить свой плащ.

Она сбросила его и схватила мазь из шкафчика.

– Не слишком ли много я прошу, настаивая, чтобы вы приходили вовремя? – поинтересовалась женщина, когда Мириэль протянула ей банку. Она присела рядом с пациентом в инвалидном кресле. Одна его нога была ампутирована до колена. Другая, вытянутая и опирающаяся на табурет, была покрыта язвами.

– Это не та мазь. Сколько раз я должна повторить, ихтиол – это фиолетовая мазь, а не белая. – Она вернула банку Мириэль. – Полагаю, что минимум внимания – это тоже непосильная задача?

Мириэль вернулась к шкафчику и сменила белую мазь на фиолетовую. Ничего из того, что она делала, не устраивало сестру Верену. В каком это смысле – *минимум*?!

В течение следующих нескольких часов Мириэль вытирала ноги, опорожняла тазы с водой и приносила медикаменты. Ближе к концу ее смены появился Гектор. Он прихрамывал, когда шел, а кожа вокруг его запястий все еще была чуть красной от наручников. Он сел на один из низких табуретов, и она налила для него воду в таз.

Мириэль видела его всего несколько раз с момента их приезда и всегда мимоходом. Казалось, он, как и Айрин, старался быть занятым и хватался за разную работу по всей колонии. В свободное время он держался в компании других мексиканцев, а сегодня, как всегда, приподнял шляпу и кивнул ей.

– *Cómo está, señora?*²⁵

Мириэль с трудом удержалась от того, чтобы не поднять руку, и прикрыть очаг на шее.

– Просто шоколадно, – сухо сказала она. – А у тебя?

– *No estoy mal.*²⁶

Она смотрела, как он расшнуровывает ботинки, снимает носки и аккуратно засовывает их под стул. Мужчина закатал брюки, явно выданные в больнице. Мириэль определила по тусклой ткани и неровному шву, но они были значительно лучше по сравнению с изодранными брюками, в которых он прибыл. Разматывая старые бинты, покрывавшие его ступни и голени, Гектор поморщился.

– Сейчас, я помогу. – Мириэль зачерпнула полную ладонь воды из таза. – Иногда нужно немного смочить марлю, это помогает размягчить ее. – Она накапала воду на бинты и принялась снимать их. Это была медленная, прерывистая работа. Всякий раз, встречая сопротивление или чувствуя, что повязка прилипает к его коже, она зачерпывала еще воды. Сначала Гектор сидел неподвижно, стиснув челюсти, с побелевшими костяшками пальцев. Но вскоре его плечи и руки расслабились.

Мириэль тоже расслабилась. Она подсунула полотенце под свои колени для амортизации и закатала рукава рубашки. Кожа Гектора была грубой и потрескавшейся с несколь-

²⁵ Как дела, сеньора? (*исп.*).

²⁶ Неплохо (*исп.*).

кими выступающими узелками, из которых сочилась молочная жидкость. Одна из ран, полученных им во время бегства в Юме, все еще не зажила. Чтобы не причинять ему больше боли, она работала вокруг этих областей с особой осторожностью.

– По правде говоря, я не то чтобы в шоколаде. Проснувшись сегодня утром, я обнаружила в своих тапочках зубную пасту. Назойливое внимание Жанны, без сомнения. И эта работа – совсем не то, чего я ожидала. Я думала, что буду... В общем, не знаю, о чем я думала, но точно не о таком. – Она посмотрела на него, ожидая какого-то ответа, однако он только улыбнулся. Вероятно, плохо говорил по-английски. Она продолжила: – У каждого есть свои сильные стороны, верно? Вот все это – не мое. У меня хорошо получается... танцевать, прекрасно выглядеть и устраивать шикарные вечеринки.

Она закончила разбинтовывать его правую ногу, опустила ступню в таз с водой и принялась за левую.

– Думаю, то, что я говорю, звучит довольно легкомысленно. Не то чтобы ты меня понимал. Но еще я была хорошей матерью. Во всяком случае, раньше. У меня две дочери, и я безумно скучаю по ним. У моей младшей недавно был ее первый день рождения. Кто знает, – ее голос дрогнул, и она вытерла глаза рукавом, – кто знает, вспомнит ли она меня, когда я вернусь домой. Но я обязательно вернусь домой. Это единственное, в чем я уверена.

Она наконец размотала повязку и опустила его левую ступню в воду. Он глубоко вздохнул и пошевелил пальцами ног.

– Я думаю, что и это у вас хорошо получается, – проговорил он.

Мириэль вскинула голову.

– Вы говорите по-английски?

– Я родился в Калифорнии, как и вы.

– О... э-э... извините, я предположила... Откуда вы знаете, что я родилась именно там?

– Я узнал вас по журналам. Последний фильм вашего мужа был *miu graciosa*... очень смешной.

Внутренности Мириэль сжались. Она быстро огляделась, но никого поблизости, чтобы услышать их разговор, не было.

– Он был бы рад такой оценке. Критики не считали, что это было *miu graciosa* или даже немного *graciosa*. Она посмотрела вниз на четкую впадину у основания своего безымянного пальца. Она никогда не носила обручальное кольцо во время работы в клинике. – Я... я даже не смотрела этот фильм. Вы ведь никому не расскажете, правда? Я имею в виду, про меня и моего мужа.

Сплетни здесь разносились быстрее, чем фляжка джина на безалкогольной вечеринке. Один бестактный поступок, и к ужину вся колония узнает ее настоящее имя. А дальше – озлобленный обитатель, письмо редактору бульварной газеты, и вся страна в курсе, что она прокаженная.

– Ваш секрет в безопасности, сеньора.

Возможно, дело было в теплых глазах Гектора или в их совместном путешествии в том душном товарном вагоне, но Мириэль поверила ему.

– Спасибо.

Она собрала использованные бинты и вытерла влажный пол полотенцем. Ее взгляд снова зацепился за длинную рану на его ноге, которая так и не зажила с момента их прибытия.

– Почему ты пытался сбежать?

– Я мог бы задать тот же вопрос.

– У тебя тоже есть семья?

– *Sí*.²⁷ Три мальчика и девочка. Теперь они уже взрослые.

– Ты пытался вернуться к ним. – Она посмотрела в залитое дождем окно на низкие серые облака. Территория Карвилла простиралась на акры за лабиринтом домов и медицинских зданий. Но иногда она вызывала такую же клаустрофобию, как и ее тюремная камера. Что хорошего было в теннисных лужайках и бейсбольных площадках, аппаратах с содовой и кинопроекторах, когда вы не можете видеть своих детей?

– Я бежал не к ним. Мне там больше не рады.

Его слова отвлекли ее внимание от окна.

– Тогда куда ты пытался отправиться?

Он пожал плечами.

– Куда-нибудь, где я смог бы найти работу.

²⁷ Да (*исп.*).

Он рассказал ей, как познакомился со своей женой, и они поженились совсем юными. Какое-то время жизнь была хорошей. Они владели небольшой бобовой фермой к югу от Семидесятой улицы. Потом случилась болезнь. Слишком быстро. Не так, как у некоторых, кто годами не испытывает ничего, кроме небольшого онемения и нескольких прыщей. Быстро расплозились слухи, и никто больше не покупал их урожай. Они потеряли ферму. Его детей исключили из школы. Они переехали на север, в Сан-Габриэль, но вскоре люди зароптали и там. Появился департамент здравоохранения и бросил его в дом для вредителей²⁸. Его жена и дети стали изгоями и голодали. Никто не хотел, чтобы жена прокаженного собирала их фрукты, мыла их полы, или даже убирала их конюшни. Никто не хотел, чтобы дети прокаженного играли с их детьми. Он сбежал, и они снова двинулись в путь. Потом еще раз. Без лечения болезнь усугублялась, ее невозможно было скрыть.

– Больше никто в вашей семье не заболел? – поинтересовалась она.

– *Gracias a Dios*²⁹, нет. Но вскоре моя жена боялась смотреть на меня. – Он оторвался от взгляда Мириэль и уставился на пустую стену позади нее. – Я случайно услышал, как мой старший сын сказал, что хотел бы, чтобы я поскорее умер, чтобы они все освободились от меня. После этого я ушел.

²⁸ Карантинное учреждение для изоляции инфекционных больных.

²⁹ Слава Богу (*исп.*).

Пока она вытирала его ноги, промокая капли воды на его красной восковой коже, он рассказывал о случайных работах, которые выполнял на побережье. Он сшивал мешки изпод муки и спал под ними, когда шел дождь, отсылая почти всю зарплату своей семье.

– Даже когда я исчез, им пришлось тяжело, – сказал он. – Без фермы им нечем заниматься. Я не знал, что здесь найдется работа. Это немного, но уже кое-что.

Оба молчали, пока Мириэль заканчивала вытирать его ноги. Нежность в его голосе, когда он говорил о своей семье, подтверждала, насколько сильно он все еще волнуется за них. Отчаяние в его глазах, когда он пытался бежать в Юме, приобрело для нее смысл. Она тоже ощутила его, теперь острее, чем раньше, словно часть истории Гектора запала ей в душу и стала ее собственной.

Мириэль протянула ему ботинки.

– Как только появится лекарство, мы оба сможем отправиться домой.

– Надеюсь, я продержусь так долго, сеньора. – Мужчина посмотрел вниз на свои покрытые язвами ноги.

– Конечно, продержишься.

Гектор, прихрамывая, пересек комнату, где его ждала сестра Верена с мазями и свежими повязками. Мириэль схватила таз с водой и понесла его к бункеру. Она поймала свое отражение в дрожащей воде – волосы выются, нос блестит, над воротником блузки красуется уродливое красное

пятно. Ей хотелось надеяться, что она тоже продержится так долго.

Глава 17

В тот вечер Мириэль сидела на потертом, но удобном диване в гостиной восемнадцатого дома. Ее спина болела от многочасового таскания тазов с водой и сгорбленной позы над вонючими ногами. Таблетки чаульмугры, которые она приняла за ужином, урчали у нее в животе. Когда она рыгнула, на языке остался странный вкус шоколадной рыбы.

Она пыталась не думать о том, что ждет ее завтра в лазарете. Больше горшков, без сомнения. И звона колокольчиков. И капризные пациенты, которым необходимо поправлять подушку каждые пять минут. Она могла просто не появиться. Поспать и принять долгую горячую ванну, когда ее соседи по дому пойдут на обед. Но тогда сестра Верена получила бы удовлетворение от того, что оказалась права на ее счет. И Чарли тоже. Кроме того, Гектор сказал ей, что она хорошо справляется со своими обязанностями. Когда она развернула и вытерла его ноги, она ни разу не содрогнулась и не почувствовала рвотный позыв, как в первые дни работы в клинике.

Она потеряла затекшую шею и постаралась не вспоминать о том, как это здорово держать в руке ледяной джин-физ³⁰, и наслаждаться звучащим на заднем плане джазом. У Ай-

³⁰ Алкогольный коктейль на основе джина, лимонного сока, сахарного сиропа и газированной воды.

рин был фонограф Victrola³¹, и она поставила его в гостиной, чтобы им мог пользоваться любой желающий. Но кто-то – скорее всего, Жанна – сломал проигрыватель. Мистер Ли, китаец, который жил в доме тридцать и, по словам Айрин, мог починить все, что угодно, ждал запчастей, чтобы привести его в порядок. Поэтому, чтобы заполнить тишину, Мириэль оставалось слушать стрекот сверчков, доносившийся через открытое окно.

Она знала о людях, приезжающих в такие города, как Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес, и страдающих от нервного срыва из-за постоянного шума. Мириэль чувствовала прямо противоположное. Деревенская тишина действовала ей на нервы. Неудивительно, что целый дом в Карвилле был зарезервирован для тех, кто сошел с ума.

Она скинула туфли и поджала под себя ноги. Одна из соседок по дому оставила на боковом столике смятый журнал. Мириэль взяла его, чтобы чем-то заняться. С обложки на нее смотрела юная старлетка с блестящими черными волосами и медово-кариими глазами. Они встречались однажды на вечеринке, не так ли? Мириэль толком не могла вспомнить. В Голливуде было слишком много девушек такого типа – молодых, хорошеньких, полных надежд. В их цепких взглядах сквозили неприкрытые амбиции. Они с Чарли посмеивались

³¹ В сентябре 1906 года компания Victor представил новую линейку фонографов с усиливающим рупором, спрятанным внутри деревянного шкафа, при этом рупор был полностью невидим. Это внутренние рупорные машины, зарегистрированные под торговой маркой Victrola.

над этими особами. Над тем, как те заискивали перед ним и всеми остальными, кто, по их мнению, имел влияние в студии. Тогда они с Чарли были без ума друг от друга, и так близки, как только могут быть близки два человека. Теперь мысль о том, что он один на вечеринках, окруженный подбострастными инженю³², заставляла ее беспокойный желудок сжиматься еще сильнее.

Чем дольше она смотрела, тем более похожими на кинжалы становились глаза девушки с обложки. Мириэль натянула воротник блузки на пятно на шее и открыла журнал, чтобы избавиться от этих глаз. Первые несколько страниц заполняла реклама пишущих машинок и зубной пасты. Затем заголовок и анонс на весь разворот предстоящего выпуска Paramount Pictures – «Поцелуй Золушки». Ей не нужно было возвращаться к обложке или проверять страницу с содержанием, чтобы понять, что журнал устарел на несколько месяцев. Она вспомнила, что Чарли говорил о картине сразу после Рождества. Впрочем, это относилось ко всему в Карвилле, ужасно провинциальном и отстающем от современности на месяцы, если не годы.

Но это лучше, чем слушать сверчков. Она как раз открыла первую статью и начала читать, когда скрип половиц привлек ее внимание. Подняв глаза и обнаружив Жанну, стоящую в дверях, она ощутила, как раздражение покалывает ее кожу. Как долго девчонка стояла там, тараща глаза? Что за пакость

³² Актерское амплуа, наивная девушка.

она замышляла?

Но та одарила Мириэль застенчивой улыбкой, и раздражение отступило. У ее дочери Эви были такая же россыпь веснушек на носу и такая же дурацкая привычка посасывать кончики своих косичек. Однако сейчас это казалось сущим пустяком, и у Мириэль перехватило горло при воспоминании обо всех тех случаях, когда она ругала Эви вместо того, чтобы оставить ее в покое.

– Тебе не обязательно стоять там, – обратилась Мириэль к девочке.

Жанна еще мгновение помялась в дверях, затем подскочила и запрыгнула на диван рядом с Мириэль. Подушка дивана застонала. Девочка указала на журнал.

– Просто желтая пресса, – заметила Мириэль. – Истории об актерах и актрисах. Обзоры последних фотографий. Ничего такого, что могло бы заинтересовать маленькую девочку.

Жанна покачала головой. Мириэль и сама понимала, что это не так. Она натыкалась на цветные карандаши и ржавые домкраты, которые Жанна оставляла валяться повсюду. Но она не могла винить девочку за то, что ей было скучно, когда весь ее мир состоял из переплетения больничных зданий и нескольких акров болота.

– Хорошо. Я почитаю вслух, чтобы ты могла послушать.

Первая статья была об актрисе, которая ушла с экрана после нервного срыва. В последнее время она не могла рабо-

тать больше трех-четырёх часов в день и много раз падала в обморок на съёмочной площадке от явной слабости.

– Неудивительно, – прокомментировала Мириэль. – Эти студии выжимают своих актёров.

Она сделала паузу, вспомнив последний фильм Чарли, в котором он начал сниматься вскоре после трагедии. Он почти жил в студии. Он винил в этом настроение Мириэль, но она знала, что это происходит в том числе из-за крупных продюсеров.

Жанна подтолкнула её локтем, и Мириэль продолжила читать. Врачи актрисы отправили её на какой-то горный курорт для абсолютного отдыха и покоя. Здесь Мириэль снова сделала паузу и хихикнула. Если бы этот курорт было чем-то похож на Карвилл, вся эта тишина, вероятно, ухудшила бы её состояние.

– «Крайне прискорбно видеть, как такая завораживающая женщина похудела и стала издерганной, – читала Мириэль комментарий одного из старых приятелей актрисы по экрану. – Её некогда прекрасный цвет лица стал похож на цвет лица прока...» – Мириэль поперхнулась этим словом.

Она взглянула на Жанну, которая лежала, положив голову на противоположный подлокотник, болтая одной ногой в воздухе и посасывая кончик своей косички. Хотелось надеяться, что мычания Мириэль было достаточно, чтобы замаскировать это ненавистное слово. Она закрыла журнал и положила его себе на колени вниз обложкой.

– На сегодня хватит голливудских сплетен. Уверена, что тебе уже давно пора спать.

Жанна нахмурилась, но поднялась с дивана и поплелась в свою комнату. Когда она ушла, Мириэль вернулась к статье и вырвала страницу, скомкав ее в крошечный шарик, прежде чем выбросить в мусорное ведро.

Что бы подумали те же самые голливудские светские львицы, если бы узнали, что среди них был настоящий прокаженный? Какие ужасные вещи они бы тогда говорили? На мгновение во время чтения ей показалось, что она почти дома. Свежий, соленый воздух. Крики чайки. Блеск и восторг. Но это слово пронзило ее, как гигантский крюк, его шип зацепил ее плоть, и потянул обратно в душный воздух, верещащих сверчков и абсолютную серость Карвилла. Как долго Чарли сможет врать, что она навещает больную тетю, прежде чем друзья и репортеры заподозрят неладное?

Глава 18

Три дня спустя Мириэль сидела в аптеке, наполняя баночки ихтиоловой мазью, а та глупая статья все еще не выходила у нее из головы. Даже постоянное хлопанье резинкой сидящей рядом Айрин не могло до конца отвлечь ее.

Прокаженный. Разве люди не понимают, какое это ужасное слово? Неужели им все равно? Тем утром она провела в душе почти час и извела половину куска мыла, пытаясь смыть ощущение унижения, которым ее окатила эта статья, это слово.

Не помогало и то, что теперь от ужасной мази ее руки были в фиолетовых пятнах и пахли тухлыми яйцами. Она попыталась вытереть ладони о фартук, повязанный поверх юбки, но пятна не прошли. Карвилл буквально проник в нее, коварный, как сама болезнь, когда все, чего она хотела, – это освободиться от них обоих.

Айрин, которая каким-то образом умудрилась не заляпать руки, покачала головой.

– Ты выглядишь ужасно. Ты зря потратила столько воды этим утром, тебе, похоже, придется снова принять душ.

Мириэль зачерпнула немного мази из миксера и размазала ее по подбородку Айрин и по передней части ее белой униформы. Глаза той расширились до размеров серебряных долларов. Она перестала хихикать, и они обе уставились на

цветную полосу на ее блузке.

Прежде чем Мириэль успела извиниться – что, черт возьми, на нее нашло?! – Айрин сунула руку в миксер и бросила в Мириэль фиолетовый комок, попав чуть ниже воротника, забрызгав шею и блузку. Та мгновение пялилась на это безобразие, затем они одновременно устремились к чану с мазью. Ткнув Айрин своими липкими, вонючими пальцами, Мириэль безудержно расхохоталась. Запретных зон не было: ни волосы, ни юбки, ни рукава рубашек, ни мочки ушей. Испачканная ладонь Айрин шмякнула по ее лицу, и Мириэль почувствовала резкий привкус серы на губах и языке. Но даже это ее не остановило. С того дня, как умер Феликс, она ни разу так не смеялась. Такого беспорядка она не устраивала с тех пор, как в пять лет добралась до румян своей бабушки.

Громкий топот наконец прекратил этот хаос.

– Иисус, Мария, Иосиф! – воскликнула сестра Верена. – Что здесь происходит?

Обе женщины опустили руки по швам и замерли. Сестра Верена появилась неожиданно, как всегда.

– Простите, сестра, – пробормотала Айрин. – Мы... э-э... все немного вышло из-под контроля.

– Я хочу заметить, что это аптека, а не детская площадка.

Мириэль знала, что ей следует помалкивать. Сестра Верена выглядела так, словно проглотила пчелу и хотела на ком-то применить ее жало. Но смех, который Мириэль поспешно подавила, все еще клокотал у основания ее горла, медленно

поднимаясь вверх, поэтому она заговорила:

– Это моя вина. Я начала это. Я подумала, – что-то среднее между икотой и хихиканьем вырвалось у нее изо рта, – я просто подумала, что униформе Айрин не помешал бы какой-нибудь цвет.

Вырвалось еще несколько смешков, прежде чем Мириэль смогла заставить себя успокоиться. Айрин искоса взглянула на нее, ее плотно сжатые губы с трудом удерживались от улыбки.

– Мы все уберем, – заверила Мириэль.

– Разумеется, вы это сделаете. И поскольку вы взяли на себя ответственность, миссис Марвин, я вычту стоимость потраченной мази и новой униформы из вашей зарплаты.

– Да, сестра, – произнесла Мириэль писклявым голосом, грозящим снова сорваться на смех.

– И я хотела бы увидеть вас в своем кабинете, как только этот беспорядок будет убран, и вы, – ее прищуренные глаза прошлись по пятнам на униформе Мириэль, – снова будете выглядеть презентабельно.

Прежде чем Мириэль смогла обрести дар речи, сестра Верена повернулась и ушла. Айрин схватила ведро с мыльной водой, и они вместе соскребли сгустки мази, заляпавшие комнату.

Даже после усердного намыливания и протирания спиртом кожа Мириэль оставалась покрытой бледными красновато-фиолетовыми пятнами. Пудра для лица помогла лишь слегка замаскировать их. Она сняла запачканную униформу и надела свой самый простой наряд – костюм-двойку из сиреневого шерстяного крепа. На нем не было ни бисера, ни лент, ни оборок, а юбка была значительно ниже колен. Сегодня она сделала достаточно, чтобы спровоцировать сестру Верену; она не хотела оспаривать ее определение «презентабельного».

Кабинет сестры Верены располагался в комнате размером со шкаф между крыльями двух больших зданий, служивших мужским лазаретом. В то время как большинство других побеленных дверей по всей колонии были потертыми и грязными от использования, дверь сестры Верены сияла так, как будто Мириэль была первой, кто постучал в нее.

– Войдите, – послышалось изнутри.

Мириэль разгладила свой костюм и открыла дверь.

– А, миссис Марвин. – Сестра Верена указала на стул с прямой спинкой перед своим столом.

Мириэль вдруг почувствовала себя так же, как в школе, когда директриса поймала ее с пачкой сигарет. Она хранила их для подруги, и сама не собиралась курить. Все знали, что

от сигарет желтеют зубы и они делают дыхание отвратительным для поцелуев. Но, тем не менее, она была наказана. Двенадцать ударов паддлом³³ директрисы. Теперь она сидела на стуле с прямой спинкой и старалась не ерзать, почти ожидая, что сестра Верена вытащит паддл из-под своего стола.

Но женщина сидела, сложив руки домиком и барабанила пальцами, ее серые глаза остановились на Мириэль. Несколько мгновений тишину наполнял только этот размеренный, ровный звук. Затем она заговорила:

– Несмотря на сегодняшний инцидент, вы справились со своей работой в больнице лучше, чем я ожидала.

Мириэль склонила голову набок.

– Справилась?

– М-м-м, – промычала сестра Верена в ответ. – У некоторых людей не хватает для этого силы духа. Нам даже приходилось перенаправлять Сестер, не сумевших справиться с ежедневными ужасами здесь, в другие места, для другого предназначения. – Она откинулась на спинку стула и сцепила пальцы. – Я не говорю, что вы быстры или опытни, но в вас, похоже, есть определенная... выдержка.

В жизни Мириэль хвалили за множество вещей – ее милую улыбку и шелковистые волосы, ее стильную одежду и яркие драгоценности, ее великолепный дом и вышколенный

³³ Инструмент, применяемый для телесных наказаний в школах США. Представляет собой вытянутую ударную пластину с рукоятью; рукоять, как правило, плоская и составляет одно целое с пластиной.

персонал, но никто никогда не предполагал, что у нее есть какие-либо достоинства, кроме умения подать себя.

Выдержка? Это было некрасивое слово. Гортанное и резкое. Но когда она услышала его снова, ей очень понравился этот звук. У законников была выдержка. У альпинистов и пилотов самолетов. Она выпрямилась в кресле.

– Благодарю.

– Однако все это не имеет значения, поскольку вы, похоже, по-прежнему не беспокоитесь ни о ком, кроме себя.

Эта фраза разрушила фантазию о покорении гор.

– Но я беспокоюсь! Беспокоюсь об Айрин и... и Гекторе. Да ведь несколько дней назад я читала Жанне сказку на ночь!

Сестра Верена недоверчиво посмотрела на нее, словно она откуда-то знала, что «сказка на ночь» на самом деле была статьей из раздела сплетен в *Picture-Play*.

– А как насчет сегодняшнего дня? Подумайте о тех пациентах, которые будут страдать, когда у нас закончится мазь. Женщины в лазарете терпеть не могут звонить в колокольчик в вашу смену, потому что, когда вы подходите, у вас нет для них ни доброго слова, ни хотя бы улыбки. Или те, кто видит в перевязочной, как вы уносите их полотенца двумя пальцами, будто они кишат вшами.

– Некоторые из них пахнут так, будто никогда раньше не видели мыла, – попыталась оправдаться Мириэль, надеясь, что сестра Верена улыбнется. Вместо этого она только сильнее нахмурилась.

– Я просто не понимаю, как вы можете принимать такую позицию, когда...

Стук в дверь спас Мириэль от слов, которых она боялась еще в аптеке. Без этой работы она вряд ли смогла бы доказать Чарли, что изменилась. Без этой работы она не могла бы помочь найти лекарство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.